Лизинг: текущие проблемы метода сальдо

Андрей Владимирович Егоров, к.ю.н., первый заместитель председателя (руководителя) Совета Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте РФ

Оглавление

Введение **2**

Лизинг как финансирование 2

Общие последствия расторжения договора применительно к договору лизинга. 3

Ликвидационная стадия обязательства в лизинге 6

Метод сальдо и проблемы его применения в судебной практике 7

Понятие метода сальдо 7

Правовая природа платежа по сальдо 8

Правомерность начисления сальдо до изъятия предмета лизинга 11

Подведение сальдо не является однократным актом 11

Диспозитивность положений о сальдовом методе 16

Страховое возмещение и сальдо 19

Взысканные, но не уплаченные лизингополучателем, суммы 21

Изменение рыночной стоимости предмета лизинга 22

Плата за финансирование: особенности начисления 24

Итоговая обязанность по сальдо и момент начисления процентов по ст. 395 ГК РФ 28

Лизинговые платежи в иностранной валюте 32

Соглашение сторон о стоимости предмета лизинга 34

Оценка vs. реальная продажная цена предмета лизинга 38

Продажа предмета лизинга с торгов: оспаривание цены 41

Неразумность продажи и заключение оценщика 47

Определение цены предмета лизинга при замене лизингодателя 49

Требование, которое вправе уступить лизингополучатель 50

Заключение 54

Введение

Прежде чем перейти к изложению текущих проблем метода сальдо в судебной практике, рассмотрим общие вопросы о природе лизинга и последствиях расторжения договора.

Договор лизинга вызывает затруднения на практике, включая практику арбитражных судов. Причина подобной ситуации заключается в противоречии между экономическим содержанием договора лизинга как разновидности финансирования и его юридической квалификацией в ГК РФ как договора аренды (или как договора аренды с правом выкупа – в выкупном лизинге, т.е. лизинге, который приводит к переходу права собственности на предмет лизинга к лизингополучателю в конце договора). На эту проблему обращалось внимание в литературе[1].

Лизинг как финансирование

Пленум Высшего арбитражного суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) принял постановление от 14.03.2014 № 17 «Об отдельных вопросах, связанных с договором выкупного лизинга» (далее – ПП ВАС № 17), в котором подчеркнул, что по общему правилу в договоре выкупного лизинга имущественный интерес лизингодателя заключается в размещении и последующем возврате с прибылью денежных средств, а имущественный интерес лизингополучателя – в приобретении предмета лизинга в собственность за счет средств, предоставленных лизингодателем, и при его содействии (п. 2 ПП ВАС № 17). Тем самым ВАС РФ недвусмысленно выбрал экономическое содержание (финансирование) и предпочёл его юридической форме, закрепленной в ГК РФ (аренда).

В указанном разъяснении ВАС РФ все остальные проблемы лизинга рассматриваются именно через призму того, что в лизинге определяющим является финансирование лизингодателем лизингополучателя. И только с учётом данной определяющей правовой идеи могут разрешаться иные вопросы, не нашедшие прямого решения в постановлении Пленума.

---

[1] *Егоров А.В.* Лизинг: аренда или финансирование? // Вестник ВАС РФ. 2012. № 3. С. 36-60; Никитин А.В. Выкупной лизинг: семь проблем судебной практики // Арбитражная практика для юристов. 2017. № 11. С.26-35.

Основы данного подхода заложил Конституционный суд Российской Федерации, охарактеризовав лизинговую деятельность как один из видов инвестиционной деятельности, в которой:

- лизингодатель, приобретая имущество в свою собственность при помощи финансовых средств (в том числе бюджетных) и передавая его во владение и пользование лизингополучателю, оказывает лизингополучателю своего рода финансовую услугу;

- при этом он возмещает стоимость данного имущества за счет поступающих от лизингополучателя периодических лизинговых платежей, образующих его доход от такой инвестиционной деятельности[2].

Таким образом, после принятия ПП ВАС № 17 было бы необоснованно ссылаться на специальные нормы ГК РФ о лизинге (где лизинг квалифицируется как аренда) в обоснование тех или иных правовых выводов, когда это противоречит природе лизинга как финансирования. Это означает, что выводы следует основывать на положениях ПП ВАС № 17 (разумеется, если эти выводы не будут вступать в прямое противоречие с законодательными нормами) и общих положения ГК РФ об обязательствах.

Чаще всего споры по договору лизинга попадают в суды в условиях, когда лизингополучатель допустил настолько существенную просрочку исполнения или иное нарушение (например, уничтожил предмет лизинга), что лизингодатель отказался от договора. Последствия расторжения договора при этом, очевидно, определяются исходя из правовой природы данного договора: в договоре кредита они одни, а в договоре аренды другие.

Общие последствия расторжения договора применительно к договору лизинга

После расторжения договора обязательство меняет свою цель, и наступает так называемая ликвидационная стадия, смысл которой заключается в следующем. Справедливо урегулировать те предоставления, которые стороны осуществили во время действия договора, а именно – предусмотреть, какая из сторон должна сделать завершающий платёж

[2] Постановление от 20.07.2011 № 20-П.

(или иное предоставление) в пользу другой стороны, прежде чем их отношения окончательно прекратятся[3].

До реформы ГК РФ вопросы последствий расторжения договора подверглись обстоятельному толкованию в постановлении Пленума ВАС РФ от 06.06.2014 № 35 «О последствиях расторжения договора» (далее – ПП ВАС № 35). В частности, к поставленному вопросу имеет отношение следующее разъяснение:

> «*Если при рассмотрении спора, связанного с расторжением договора, по которому одна из сторон передала в собственность другой стороне какое-либо имущество, судом установлено нарушение эквивалентности встречных предоставлений вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения своих обязанностей одной из сторон, сторона, передавшая имущество, вправе требовать возврата переданного другой стороне в той мере, в какой это нарушает согласованную сторонами эквивалентность встречных предоставлений. Например, если покупатель оплатил пять партий товара, а получил только две, при расторжении договора он вправе требовать либо возврата сумм, уплаченных за три партии товара, либо возврата всей оплаты при условии возвращения им полученного товара. Указанное правомочие покупателя не ограничивает иные права, принадлежащие ему в связи с нарушением обязательства другой стороной, в частности право на возмещение убытков... К названным отношениям сторон могут применяться положения главы 60 ГК РФ, поскольку иное не установлено законом, соглашением сторон и не вытекает из существа соответствующих отношений (статья 1103 Кодекса)*» (п. 5 ПП ВАС № 35).

В отношении лизинга применимы следующие выводы:

1. Само по себе расторжение договора лизинга не прекращает те обязанности сторон, которые связаны с предшествующими нарушениями или с ненадлежащим расторжением договора лизинга.

---

[3] *Егоров А.В.* Ликвидационная стадия обязательства // Вестник ВАС РФ. 2011. № 9. С.6-27; № 10. С.6-33

2. Расторжение договора не прекращает обязанности по возмещению убытков, связанных с нарушением договора лизингодателем.

3. То, каковы обязанности сторон при расторжении договора лизинга, необходимо определять, ориентируясь на существо отношений. При этом очевидно, что существо отношений лизинга разобрано в ПП ВАС № 17.

Спустя год после принятия ПП ВАС № 35 (с 01.06.2015) его идеи были восприняты на законодательном уровне. Согласно п. 2 ст. 453 ГК РФ (в действующей редакции), при расторжении договора обязательства сторон прекращаются, если иное не предусмотрено законом, договором или не вытекает из существа обязательства.

> *«В случае, когда до расторжения или изменения договора одна из сторон, получив от другой стороны исполнение обязательства по договору, не исполнила свое обязательство либо предоставила другой стороне неравноценное исполнение, к отношениям сторон применяются правила об обязательствах вследствие неосновательного обогащения (глава 60), если иное не предусмотрено законом или договором либо не вытекает из существа обязательства»* (абз. 2 п. 4 ст. 453 ГК РФ).

Категорически нельзя согласиться с мнением судей, которые полагают, что после принятия данной нормы все разъяснения из ПП ВАС № 17, равно как ПП ВАС №35, утратили свою актуальность. Об этих мнениях нам стало известно от юристов лизинговых компаний, приходящих к ним в процессы.

Разложенное по полочкам в ПП ВАС № 17 существо обязательств сторон из договора лизинга всецело санкционировано законом, и из этого существа вытекает «иное», не позволяющее применять к сторонам договора лизинга нормы о неосновательном обогащении. Если вдруг мы начнём их применять, то на сумму финансирования, не компенсированного ещё лизингополучателем, должны начисляться проценты по ставке из ст. 395 ГК РФ, а не договорные проценты. Это больно ударит по лизингодателям. Также неисполненное обязательство по неустойке превратится в обязательство из неосновательного обогащения. Произойдут иные, совершенно непонятные и никому не нужные метаморфозы.

Даже для того, чтобы обосновать обязанность лизингодателя вернуть лизингополучателю излишек от продажи предмета лизинга, не требуется прибегать к правилам о неосновательном обогащении. Получив по договору больше, чем ему причиталось (не только возврат финансирования и плату за него, но и суммы сверх того), лизингодатель получил недолжное и обязан вернуть это в силу своих договорных отношений по лизингу; это договорная ликвидационная обязанность.

Таким образом, правила п. 4 ст. 453 ГК РФ, если им не дать правильное толкование, могут быть нарушены при установлении последствий расторжения договора лизинга, не отвечающих правовой природе отношений лизинга и существу основанных на нём обязательств.

Ликвидационная стадия обязательства в лизинге

Рассмотрим далее, какое содержание имеют ликвидационные обязанности сторон договора лизинга при его расторжении.

По смыслу кредитной теории, положенной в основу ПП ВАС РФ № 17, в случае расторжения договора лизинга при неполной выплате лизинговых платежей должен происходить заключительный (компенсационный) платёж. В зависимости от обстоятельств он производится в пользу лизингодателя или лизингополучателя, имея в виду основной интерес лизингодателя, направленный на возврат предоставленного кредитования и согласованных процентов за фактическое время пользования кредитом. В числе обстоятельств учитываются: оставшаяся непогашенной сумма основного кредита, убытки лизингодателя, проценты, приходящиеся на время пользования финансированием, рыночная стоимость предмета лизинга и то, какой из сторон он достаётся (см. п. 3 ПП ВАС № 17).

При этом необходимо отдельно остановиться на том, по каким причинам в п. 3 ПП ВАС № 17 не упоминаются убытки лизингополучателя, причинённые ему в том случае, если расторжение договора лизинга по заявлению лизингодателя оказалось незаконным. Речь в данном случае идёт о квалифицированном умолчании.

Разработчики ПП ВАС № 17 не имели в виду невозможность взыскания лизингополучателем убытков. Просто данная ситуация является довольно нетипичной, подавляющее число расторжений договора лизинга в

судебной практике было вызвано просрочками со стороны лизингополучателей. Поэтому разработчики решили не перегружать текст разъяснений и не упоминать убытки лизингополучателя (настолько необычной казалась сама возможность их возникновения). И суды это понимают:

> *«Действительно, согласно п. 3.6. Постановления убытки лизингодателя определяются по общим правилам, предусмотренным гражданским законодательством, и в постановлении отсутствует прямое указание на то, что в расчет сальдо включаются также убытки лизингополучателя. Вместе с тем... никаких ограничений по заявлению своих убытков лизингополучателю при расчете сальдо нет»* (решение Арбитражного суда г. Москвы от 23.01.2018 по делу № А40-176215/17-171-1685).

Ниже мы рассмотрим, какие проблемы возникают в судебной практике в ходе применения метода сальдо.

Метод сальдо и проблемы его применения в судебной практике

Понятие метода сальдо

Механизм подведения баланса взаимных обязательств сторон именуется методом сальдо. По данным СПС «КонсультантПлюс», в практике насчитывается порядка 2000 судебных актов, сталкивающихся с методом сальдо и ссылающихся на п. 3 ПП ВАС РФ № 17. Это довольно большой массив данных. Рассмотрим его сущность подробнее.

Согласно методу сальдо, после сопоставления судом взаимных обязательств сторон высчитывается одно итоговое обязательство. Именно оно и подлежит судебной защите[4]. При этом не применяются правила о зачёте встречных требований, которые неизбежно требовалось бы применять, если бы речь шла об обычных встречных требованиях истца и ответчика друг к другу.

---

[4] *Егоров А.В.* Договор выкупного лизинга. Правила игры от ВАС РФ // Арбитражная практика. 2014. № 8. С.29.

Например, если истцом выступает лизингодатель и ему принадлежит право на возмещение финансирования – 100, плата за финансирование – 20 и убытки – 10, то суд обязан принять во внимание стоимость возвращаемого предмета лизинга, даже если ответчик (лизингополучатель) не заявил никакого встречного иска. Если эта стоимость окажется ниже 130 (100+20+10), то суд взыщет в пользу лизингодателя лишь разницу. Например, если по оценке суда предмет лизинга стоит – 75, то суд присудит в пользу лизингодателя – 55 (130-75).

Если бы не применялся метод сальдо, то ответчику для достижения того, чтобы в этом примере с него взыскали всего 55, потребовалось бы обязательно предъявить встречный иск. Суд удовлетворил бы два требования (130 в пользу лизингодателя и 75 в пользу лизингополучателя) и произвёл бы зачёт.

Таким образом, метод сальдо упрощает процессуальные действия сторон, но не более того. Встречающиеся в судебной практике «творческие» развития метода сальдо, о которых пойдёт речь ниже, заслуживают отрицательной оценки.

Правовая природа платежа по сальдо

У юристов лизинговых компаний и даже у судей встречается точка зрения, согласно которой после прохождения сальдирования утрачивают специфику все требования, вовлекаемые в него, и на выходе получается одно единое требование.

А. В. Никитин справедливо критикует такой взгляд: «К сожалению, сальдо встречных обязательств в сознании многих стало не просто механизмом расчета, а новой правовой сущностью поистине алхимического характера, осуществляющей переплавку обязательств по договору лизинга в новое, единое и неделимое обязательство – по «сальдо», убыткам или неосновательному обогащению»[5].

Например, у лизингодателя было требование по возврату финансирования и по уплате неустойки, у лизингополучателя – интерес в остаточной стоимости предмета лизинга. После того как предмет лизинга был реализован, денег от его реализации не хватило для того, чтобы покрыть весь

---

[5] *Никитин А.В.* Четыре вида требований из выкупного лизинга: как их квалифицировать // Арбитражная практика для юристов. 2018. № 4. С. 43.

долг лизингополучателя перед лизингодателем. Остался долг в размере 100. Спрашивается, что это за долг? Основной долг? Неустойка? Какое-то новое обязательство?

Это имеет значение, например, при банкротстве лизингополучателя (с неустойкой нельзя требовать банкротства, придётся пройти во вторую подочередь третьей очереди кредиторов и т.п.). Да и без банкротства различий предостаточно. Например, на сумму неустойки не могут начисляться проценты за пользование чужими денежными средствами по ст. 395 ГК РФ.

Ответ не вытекает непосредственно из текста ПП ВАС № 17. Разработчики не ставили перед собой задачу дать в тексте ответы на все возможные вопросы. Однако из молчания текста нельзя делать вывод о том, что сальдо является способом преобразования обязательств.

Правильный ответ можно получить, только применив ст. 319 ГК РФ к порядку погашения требований лизингодателя из выручки от продажи предмета лизинга[6]. И тогда окажется, что остаток – скорее всего, это неустойка. Более того, остаток может состоять из нескольких обязательств истца (частично неустойка, частично основной долг, частично плата за финансирование и т.п.). Важно только то, в чью пользу сальдо: в пользу истца (и тогда иск удовлетворяется) или в пользу ответчика (тогда иск отклоняется даже в отсутствие встречного иска).

ПП ВАС РФ № 17 не говорит ни слова о том, что обязательства по сальдо – самостоятельный вид гражданско-правовых обязательств. Сальдо – всего лишь способ расчёта размера итогового платежа. Следовательно, природа обязательств, участвовавших при расчёте сальдо, остаётся неизменной.

Совершенно верно указывает АС Западно-Сибирского округа в одном из постановлений:

> *«Поскольку требование заявителя подлежит включению в реестр в порядке, предусмотренном Законом о банкротстве..., требование АО «РосАгроЛизинг» подлежит включению в реестр требований креди-*

[6] Никитин А.В. Четыре вида требований из выкупного лизинга: как их квалифицировать // Арбитражная практика для юристов. 2018. № 4. С.42-47.

> *торов с разделением заявленной суммы на основной долг и неустойку, так как сальдо встречных обязательств не является самостоятельным основанием возникновения задолженности и представляет собой общую сумму завершающей обязанности одной стороны в отношении другой, составными частями которой являются как основной долг, так и штрафные санкции»* (постановление АС Западно-Сибирского округа от 25.04.2017 по делу № А03-21780/2015).

Представляется совершенно верной и отвечающей взглядам разработчиков ПП ВАС № 17 следующая точка зрения. Все обязательственные требования, которые могут иметься у лизингодателя к лизингополучателю, никак не меняют свою правовую природу, проходя через сальдирование. Это могут быть требования по: 1) возврату финансирования, 2) внесению платы за финансирование, 3) возмещению причиненных лизингодателю убытков, 4) уплате иных предусмотренных законом или договором санкций[7]. Это важно в самых разных аспектах, в особенности при банкротстве лизингополучателя, на что обращает внимание А. В. Никитин: «Денежные обязательства характеризуются различной правовой природой, в том числе иерархичностью исполнения, которая проявляется в порядке погашения требований по денежным обязательствам, а также в законодательстве о банкротстве, где по обязательствам о неустойке или упущенной выгоде нельзя подать заявление о признании банкротом, а разные обязательства голосуют по-разному»[8].

Указанный автор анализирует требования лизингодателя к лизингополучателю, однако всё сказанное вполне применимо и в обратной ситуации. Требование лизингополучателя об убытках, пройдя через сальдирование (если о нём так или иначе будет заявлено, например, в качестве возражения против требований лизингодателя или в качестве самостоятельного иска), остаётся таковым.

Метод сальдо не предназначен для того, чтобы решать все возможные вопросы. Он не универсальная палочка-выручалочка.

---

[7] *Никитин А.В.* указ. соч. С. 43-45.
[8] Там же.

Правомерность начисления сальдо до изъятия предмета лизинга

В постановлении АС Московского округа от 24.07.2018 по делу № А40-181896/2017 прозвучала такая идея (она восходит к актам нижестоящих судов): «Определение завершающей обязанности сторон по договору лизинга и расчет сальдо встречных обязательств возможны лишь после расторжения договора и изъятия предмета лизинга, однако, как следует из материалов дела, предметы договоров лизинга не были возвращены либо изъяты».

Это совершенно неверный подход. Лизингодатель представил лизингополучателю финансирование, последний его не возвратил в полном объёме. Да, если он возвратит предмет лизинга, то может рассчитывать на то, что часть денег от продажи данного предмета ему может вернуться. Но если он не возвратил ничего, это не значит, что с него нельзя ничего взыскать.

К сожалению, разъяснение, придуманное для одной ситуации, переворачивается с ног на голову и приводит к несправедливому результату, если его применять к другой ситуации, не понимая существа и концепции разъяснений ВАС РФ, исходившего из финансовой природы лизинга.

Подведение сальдо не является однократным актом

Встречаются судебные акты, согласно которым суммы, не заявленные при расчёте сальдо, в дальнейшем уже не могут учитываться. Так, в решении АС г. Москвы от 23.01.2018 по делу № А40-176215/17-171-1685 указывается: «...согласно буквальному толкованию положений Постановления Пленума в совокупности расчет сальдо – это окончательное соотнесение всех представлений сторон, составленный с учетом баланса интересов всех участников сделки... последовательно было ... по крайней мере, требовать включить в сальдо свои убытки, что не было сделано».

Эта позиция вызывает кардинальные возражения. Сальдо – механизм, реализуемый по тем требованиям, которые были заявлены (либо самостоятельно, либо в качестве возражений). Принятый в российском процессуальном праве подход позволяет истцу самому выбирать, какие требования он должен заявлять. Суд не может его принуждать к этому никакими ссылками, в особенности на якобы его недобросовестность.

Иной подход будет означать кардинальную революцию процесса, проведённую по инициативе судебных органов, без включения в процессуальный закон. Чем от лизингополучателей отличаются энергетики, арендодатели или кредитные организации? Всем тогда придётся заявлять сразу все свои требования в одном процессе (под страхом их утраты): и основной долг, и проценты, и неустойку, и убытки. И никого не будет волновать то, что доказательств по поводу убытков у истца собрано пока недостаточно и вообще-то он хотел бы пока это требование придержать, и т.п.

Метод сальдо не всегда помогает окончательно разрешить спор уже в первом деле между лизингодателем и лизингополучателем.

Так, если в рассмотренном выше примере предмет лизинга окажется по стоимости выше, чем требования лизингодателя (допустим, он будет стоить 200 при требовании в 130), то в иске лизингодателю должно быть отказано. При этом суд не вправе без иска со стороны лизингополучателя взыскивать в его пользу разницу (200-130=70).

Точно так же, если лизингодатель предъявит не все свои требования, в соответствующем процессе при определении сальдо будут приняты во внимание только заявленные им требования. И он сможет заявить в самостоятельном процессе другие свои требования. Например, рассчитав размер финансирования и неустойку за просрочку внесения лизинговых платежей, лизингодатель решил не предъявлять требование о взыскании платы за финансирование, имея в виду, что размер этой платы определяется в зависимости от продолжительности пользования финансированием, и пока не понятна дата его возврата, непонятен и окончательный размер требования о плате за него.

Судебной практике известны случаи, когда кредиторы по договорам аренды, энергоснабжения и т.п. обращаются с исками о взыскании задолженности (арендной платы, платы за потреблённую энергию и т.п.), не заявляя требований о взыскании неустоек за просрочку или процентов на основании ст. 395 ГК РФ. Лишь выиграв свои главные требования, они заявляют дополнительные требования. Суды принимают к производству, рассматривают и удовлетворяют такие требования, если не пропущен срок исковой давности по ним или не имеется других препятствий.

Не имеется совершенно никаких оснований для того, чтобы применительно к договору лизинга применялся какой-то иной подход. И метод

сальдо не может служить основанием для него, поскольку цель его разработки была совершенно в другом, как было показано выше.

Более того, единообразна судебная практика и в лизинге, когда после взыскания переплаты по договору лизинга (неосновательного обогащения, образовавшегося на стороне лизингодателя, рассчитанного сальдовым методом) лизингополучатели выходят в суд с самостоятельными исками о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами, начисленными на сумму такой переплаты (неосновательного обогащения), на основании ст. 395 ГК РФ (см., например, решения АС г. Москвы от 28.12.2017 по делу № А40-213572/2017-53-1909, от 07.11.2017 по делу № А40-173794/17-161-323, от 08.02.2018 по делу № А40-244290/17 114-2226).

В российском процессуальном праве имеются некоторые элементы доктрины res judicata, например, о том, что не допускается повторять процесс с тем же предметом и основанием иска. Однако воплощение данной доктрины в российском праве совсем не заходит так далеко, чтобы предписывать, что все требования, которые принадлежат истцу в каком-либо правоотношении, он должен заявить строго одновременно (под угрозой их потери).

Если бы оно применялось, суды должны были отклонять требования о взыскании процентов, неустоек, убытков, если такие требования заявляются после того, как судом было рассмотрено и удовлетворено требование о взыскании основного долга. Но это очевидно не так. И если суды будут применять такой подход, домысливающий (в отсутствие его в законе) правило res judicata в каких-то отдельных случаях, например, применительно к договору лизинга, это будет нарушением принципа равенства, закреплённого не только в п. 1 ст. 1 ГК РФ, но и в ч. 1 ст. 19 Конституции Российской Федерации.

Могут быть примеры, когда метод сальдо не приведёт к разрешению конфликта сторон в первом процессе и потребуется провести второй процесс.

Например, лизингодатель предъявляет иск о взыскании просроченных лизинговых платежей и отобрании предмета лизинга. Если лизингополучатель предъявляет встречный иск, полагая, что при удовлетворении

всех требований лизингодателя сальдо взаимных обязательств будет складываться в пользу лизингодателя, то всё относительно просто. Особенно если нет споров по поводу того, какова стоимость возвращаемого предмета лизинга. Однако если встречный иск не предъявлен, возникает вопрос, вправе ли суд удовлетворять оба требования истца? Как если бы при кредитовании под залог займодавец предъявлял иск о взыскании оставшейся суммы долга, например, 200, и отобрании предмета залога, а суд видел бы, что этот предмет стоит 1000. По-видимому, не вправе. Но что делать суду в этом случае? Без встречного иска он не может взыскать никакие суммы с истца. По-видимому, в рассмотренном примере «наименьшее зло» состоит в том, чтобы удовлетворять только требование об отобрании предмета лизинга и отказывать в иске о взыскании задолженности по лизинговым платежам.

Примерно в таком ключе высказался Президиум ВАС РФ в постановлении от 13.11.2012 № 8141/12. В этом деле оба требования лизингодателя были разнесены во времени. Сначала лизингодатель предъявил требование о взыскании просроченных периодических платежей (в деле о банкротстве лизингополучателя), выиграл это дело, а затем предъявил требование об отобрании предмета лизинга (исключении его из конкурсной массы). Президиум сказал, что теоретически последнее требование могло быть удовлетворено, но в этом случае первоначальная сумма долга, включённая в реестр требований кредиторов, подлежала корректировке. Налицо первый опыт сальдо-метода в практике Президиума ВАС РФ за полтора года до принятия ПП ВАС № 17.

Тем не менее, в остальных, более простых случаях, например, когда не требуется производить никакого взыскания с истца по основному иску, метод сальдо позволяет отказать в иске, учитывая возражения ответчика. Так, предположим, если лизингодатель, получивший предмет лизинга, просит взыскать ещё и просроченные лизинговые платежи, а суд видит, что с учётом стоимости предмета лизинга это лизингодатель ещё должен уплатить некую сумму лизингополучателю, то в иске должно быть отказано без каких-либо встречных исков со стороны лизингополучателя. Подобным образом поступил Президиум ВАС РФ в постановлении от 06.12.2011 № 9860/11. В данном деле лизингополучатель, возвративший предмет лизинга, потребовал от лизингодателя возвращения ему части де-

нежных средств («части выкупной цены»). Президиум, установив, что полученные от лизингополучателя платежи (авансовый и периодические) не покрывают убытков лизингодателя (т.е. нарушен принцип окупаемости), в иске отказал (никаких встречных исков предъявлено не было)[9].

Таким образом, если сальдо по первому иску не привело к справедливому урегулированию спорного правоотношения сторон, то без каких-то проблем допускается рассмотрение второго иска: как повторного иска со стороны первоначального истца, так и иска со стороны первоначального ответчика. Так, например, в деле № А40-23356/18-112-17 решением АС г. Москвы от 25.04.2018 в исковых требованиях лизингополучателя отказано в полном объеме в связи с тем, что по результатам расчета сальдо завершающая обязанность по возврату предоставленного лизингодателем финансирования, платы за финансирование и понесенных им убытков возникла на стороне лизингополучателя, а не лизингодателя, как считал истец. Однако встречного иска со стороны ответчика в данном деле заявлено не было, а задолженность по договору лизинга в виде завершающей обязанности по возврату предоставленного финансирования, платы и убытков была взыскана с лизингополучателя в другом деле – № 2-4275/2018 решением Мещанского районного суда г. Москвы от 19.06.2018.

В зависимости от ситуации подведение баланса взаимных обязательств сторон может получать разную процессуальную форму. Например, если лизингодатель обратился в суд с иском о взыскании лизинговых платежей после фактического возвращения предмета лизинга, то лизингополучатель может в порядке возражений доказать, что сальдо складывается в его пользу и поэтому в иске в части взыскания лизинговых платежей должно быть отказано. Если же лизингополучатель захочет взыскать причитающееся ему по положительному балансу сальдо, он должен будет предъявить встречный иск.

В том случае если лизингодатель довольствовался тем, что забрал предмет лизинга, а лизингополучатель полагает свои права нарушенными, последний вправе заявить самостоятельное требование.

---

[9] *Егоров А.В.* Договор выкупного лизинга. Правила игры от ВАС РФ // Арбитражная практика. 2014. № 8. С.29-30.

Как правило, речь может идти о двух требованиях – о возврате излишне уплаченного и о возмещении убытков (случай необоснованного расторжения договора лизинга – одно из оснований для начисления убытков в пользу лизингополучателя).

Первое требование напоминает требование заёмщика о возврате фактической переплаты по кредиту или требование залогодателя о передаче ему разницы от продажи предмета залога, превышающей размер требований залогодержателя к должнику.

Оба эти требования могут заявляться независимо друг от друга. Например, интерес лизингополучателя может быть в том, чтобы задержать подачу иска о возмещении убытков для того, чтобы собрать убедительные доказательства их размера. Кроме того, в каких-то случаях размер убытков окончательно может сформироваться только позднее, чем состоится первый процесс между лизингодателем и лизингополучателем.

Таким образом, требование о возмещении убытков лизингополучателя, не заявленное в предшествующем процессе, инициированном лизингополучателем, может быть заявлено в последующем процессе. Специфика метода сальдо, применяемого при расчёте последствий расторжения договора лизинга, никак этому не препятствует.

Диспозитивность положений о сальдовом методе

Значительный интерес представляет вопрос диспозитивности регулирования метода сальдо в ПП ВАС РФ № 17.

В определении ВС РФ от 04.08.2015 № 310-ЭС15-4563 представлена позиция о том, что эти положения диспозитивны. В целом с данной позицией можно согласиться, но с одной важной оговоркой. Если стороны регулируют последствия досрочного расторжения договора лизинга после допущенного лизингополучателем нарушения, они свободны в установлении разных последствий. Например, они могут включить условие о том, что лизингополучателем уплачивается сумма в счёт платы за финансирование даже после того момента, как финансирование будет фактически возвращено лизингодателю (по своей правовой природе, однако, данная сумма не сможет быть платой за финансирование, а станет компенсацией упущенной выгоды лизингодателя). Также лизингополучатель может пойти на то, чтобы передать предмет лизинга лизингодателю по согласованной

сторонами оценке, и она может быть, предположительно, ниже реальной рыночной цены данного объекта. Это дело сторон. Точно так же при залоге должник волен передать предмет залога кредитору как отступное в счёт погашения долга по цене, которая вообще-то для него невыгодна. Но каждый сам распоряжается своими активами. Раз их можно просто потерять или уничтожить, тем более активы можно невыгодно передать кому-то. Главное, чтобы не страдали кредиторы. Как только они начнут страдать, невыгодное для лизингополучателя (или лизингодателя, если речь про его кредиторов) соглашение может быть оспорено.

Однако иначе окажется в том случае, если стороны попытаются договориться об иных последствиях расторжения договора лизинга изначально, при самом его заключении. Это очень важный момент, поскольку трудно не согласиться с позицией А. В. Никитина, согласно которой многие упускают такую особенность правовой позиции ВС РФ, что она была высказана применительно к ситуации, когда соглашение об ином было заключено уже ПОСЛЕ нарушения обязательств лизингополучателем, но сформулирована слишком широко, и поэтому аргументация ВС РФ отчасти является избыточной[10]. К сожалению, не делают акцент на данной особенности правовой позиции ВС РФ Р. С. Бевзенко и К. А. Усачева, заявляя о её полной поддержке[11].

Задумаемся, законно ли условие в кредитном договоре о том, что заёмщик обязан платить проценты даже после того, как возвратит долг? Законно ли условие о том, что предмет залога может быть реализован кредитором или принят им в свою собственность по заранее согласованной цене (безотносительно к его реальной стоимости)? Законно ли условие о том, что вся выручка от реализации предмета залога может достаться кредитору (залогодержателю) даже в случае, когда на покрытие долга и процентов достаточно лишь части данной суммы?

---

[10] *Никитин А.В.* Выкупной лизинг: семь проблем судебной практики // Арбитражная практика для юристов. 2017. № 11. С.33-34.

[11] *Бевзенко Р.С., Усачева К.А.* Распределение риска гибели вещи и свобода усмотрения сторон при расторжении договора лизинга. Комментарий к Определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 04.08.2015 № 310-ЭС15-4563 // Вестник экономического правосудия. 2015. № 9.

По мнению автора статьи, все эти условия незаконны. Они ничтожны, поскольку противоречат правовой природе кредита (и залога как способа обеспечения).

Примерно то же самое должно происходить и в лизинге, раз в основе нашего взгляда на него находится кредитная теория.

В договоре лизинга нельзя предусмотреть, что при досрочном расторжении договора лизингополучатель должен возместить лизингодателю ВСЕ лизинговые платежи за будущее время. Это недопустимо, поскольку в таком случае лизингодатель получит плату за финансирование уже после возврата этого финансирования ему как кредитору. Нельзя в самом изначальном договоре, а не непосредственно при его расторжении, предусмотреть и продажу предмета лизинга по какой-либо заранее зафиксированной цене, кроме той, которая будет актуальна на момент продажи (т.е. рыночной цене). Ибо будущее предвидеть нельзя, а собственность лизингодателя на предмет лизинга сродни залоговому праву кредитора при кредитовании под залог (она «обеспечительная», см. об этом п. 2 ПП ВАС РФ № 17 и публикации на этот счёт[12]). Верховный суд в упомянутом определении 2015 г. пишет о том же, просто в более общей форме:

> *«Согласно абзацу 2 пункта 2 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 06.06.2014 № 35 «О последствиях расторжения договора», последствия расторжения договора, отличные от предусмотренных законом, могут быть установлены соглашением сторон с соблюдением общих ограничений свободы договора, определенных в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»* (определение ВС РФ от 04.08.2015 № 310-ЭС15-4563).

Что есть общие ограничения свободы договора? Это правовая природа складывающихся отношений, или существо законодательного регулирования (п. 3 постановления Пленума ВАС РФ «О свободе договора и её преде-

---

[12] *Егоров А.В., Усманова Е.Р.* Залог и титульное обеспечение: теоретико-практическое сравнение конструкций // Вестник гражданского права. 2014. № 4 Том 14. С.56-127; *Егоров А. В.* Залог vs. обеспечительная передача права: нужна ли обороту конкуренция? / Актуальные проблемы частного права: Сборник статей к юбилею Павла Владимировича Крашенинникова. – М.: Статут. 2014. С. 78-127.

лах», п. 74 постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

И, кроме того, в рассматриваемом определении ВС РФ разбирается казус, когда стороны заключили именно дополнительное соглашение к договору лизинга после утраты его предмета. Но никак не случай, когда последствия расторжения договора были предусмотрены изначально. Поэтому упомянутое определение ВС РФ никак не следует понимать расширительно – как легализующее любые фантазии лизинговых компаний на стадии заключения договора лизинга. Известно, что в ожидании кредита заёмщик может подписать самые невыгодные для себя условия, надеясь на то, что события не будут развиваться неблагоприятно для него и он расплатится по кредиту в срок. Так вот правопорядок его защищает и на тот случай, если всё пойдёт не по плану. И данная защита однозначно должна распространяться и на лизинг как разновидность финансовой операции.

Страховое возмещение и сальдо

В деле № А40-105452/15 (постановление АС Московского округа от 22.09.2016) есть ещё один аспект, на который ссылался заявитель кассационной жалобы: суд не учел при расчете сальдо встречных обязательств уплаченную и полученную ответчиком (лизингодателем) страховую сумму по договору страхования лизинга. Ответчик получил не только лизинговые платежи, авансовый платеж и сумму реализации транспортного средства, но и страховую премию за повреждение предмета лизинга на сумму 600 тыс. руб.

Очевидно, что все доходы, если можно так выразиться в отношении страхового возмещения, должны поступать лизингодателю (собственнику предмета лизинга) только в той части, в которой сохраняется задолженность лизингополучателя перед ним. Таким образом, эта выплата экономически причитается лизингополучателю и, безусловно, должна учитываться при расчёте сальдо. Об этом прямо сказано в п. 7 ПП ВАС РФ № 17: «Если погибший или поврежденный предмет лизинга был застрахован в пользу лизингодателя, он обязан предпринять разумные усилия для получения страхового возмещения. При этом сумма полученного лизингода-

телем страхового возмещения идет в зачет требований лизингодателя к лизингополучателю об уплате лизинговых платежей (если договор лизинга не был расторгнут) или при расчете сальдо встречных обязательств (если договор лизинга был расторгнут)».

Более того, при расчёте итоговой суммы по сальдо необходимо учитывать и те суммы, которые лизингодатель не получил от страховой компании по его воле. Из постановления АС Московского округа от 28.04.2016 по делу № А40-101161/15 до конца не ясно, по какой причине суд не поддержал доводы лизингополучателя, который ссылался на то, что страховая сумма транспортного средства при страховании составила 3 520 000 руб., страховщик выплатил лизингодателю как выгодоприобретателю по договору страхования сумму в размере 3 023 680 руб. в счет страхового возмещения, с чем последний согласился. Если лизингодатель не стал судиться со страховой компанией и отстаивать свои права на получение полной суммы страхового возмещения, то есть пошёл по пути наименьшего сопротивления, то те 500 тыс. руб., которые выпали, должны относиться на его собственный финансовый результат и не могут становиться проблемой лизингополучателя.

ВАС РФ отразил данную идею с несколько иным акцентом: «В случае если лизингодатель отказывается (уклоняется) от совершения действий, необходимых для получения страхового возмещения, лизингополучатель, поскольку на нем лежит риск случайной гибели или случайной порчи предмета лизинга, вправе требовать от лизингодателя уступить ему право требования выплаты страхового возмещения, а в случае отказа лизингодателя от такой уступки вправе приостановить внесение лизинговых платежей (ст. 328 ГК РФ)» (п. 7 ПП ВАС РФ № 17).

Но поскольку сама идея очевидна, судам следует руководствоваться ею как в случае отказа лизингодателя от совершения необходимых действий в отношении страховщика, так и в случае ненадлежащего совершения им данных действий[13].

---

[13] *Никитин А.В.* Выкупной лизинг: семь проблем судебной практики // Арбитражная практика для юристов. 2017. № 11. С.32-33.

Взысканные, но не уплаченные лизингополучателем, суммы

В некоторых случаях могут возникать затруднения в связи с тем, как поступать, когда к моменту расчёта сальдо имеются решения судов о взыскании с лизингополучателя задолженности, но они пока не исполнены им.

Как представляется, в подобных случаях всё зависит от того, в чью пользу складывается сальдо. Рассмотрим на примерах.

Пример первый. Предположим, лизингодателю причитается остаток финансирования в размере 400 тыс. руб., а предмет лизинга продан за 300 тыс. руб. и имеются решения о взыскании просроченных лизинговых платежей на 200 тыс. руб.

В таком случае важно, чтобы при расчёте остатка финансирования присужденные, но непогашенные пока суммы также учитывались. Если сумма остатка финансирования равна именно 400 тыс. с учётом неисполненных исполнительных листов, то лизингодателю причитается в конечном итоге 100 тыс. (300 тыс. он получает за счёт предмета лизинга). При этом у него имеются листы на 200 тыс. Для того чтобы нейтрализовать неблагоприятные последствия на случай, если эти листы будут предъявлены ко взысканию, сальдо должно быть выведено в пользу лизингополучателя на 100 тыс. Ему должен быть выдан исполнительный лист на эту сумму. Впоследствии этот исполнительный лист пойдёт к зачёту с исполнительным листом в пользу лизингодателя (в части 100 тыс.), и исполнительный лист в пользу лизингодателя сохранит своё действие в части именно той суммы, которую ему должен лизингополучатель на основании метода сальдо.

Любые риски недобросовестного поведения лизингополучателя, который может попытаться получить исполнение по своему исполнительному листу и избежать исполнения по исполнительному листу лизингодателя, снимаются при мало-мальски активной позиции лизингодателя, имеющего право заявить о зачёте.

В этом примере понятно, что суммы присужденных, но неуплаченных лизинговых платежей учитываются при расчёте сальдо.

Пример второй. Остаток финансирования такой же, 400 тыс. руб., но предмет лизинга реализован за 500 тыс. В пользу лизингодателя имеются

исполнительные листы на 200 тыс. По сальдо, не будь исполнительных листов, суд должен был бы присудить всего 100 тыс. в пользу лизингополучателя. Но ему придётся присудить в его пользу 300 тыс., чтобы посредством зачёта погасились первоначальные исполнительные листы, выданные в пользу лизингодателя. Тогда будет предотвращено возможное злоупотребление.

Таким образом, этот пример показывает, что присужденные, но неисполненные суммы должны учитываться при расчёте сальдо.

В судебной практике этот вывод находит подтверждение в постановлении АС Поволжского округа от 08.02.2016 № Ф06-4907/2015.

Изменение рыночной стоимости предмета лизинга

Если стоимость предмета лизинга повышается (например, из-за валютных колебаний), выгоду из такого повышения должен извлекать лизингополучатель – экономический собственник предмета лизинга. Решение данного вопроса должно быть одинаковым с решением при залоге, которое является общепринятым: залогодержатель (кредитор) не имеет права получить из предмета залога больше, чем размер его денежных требований (даже если предмет залога станет стоить в 2 раза больше).

Соответственно, при снижении стоимости предмета лизинга риск такого снижения возлагается также на лизингополучателя (как и на залогодателя в кредитных отношениях).

К сожалению, в практике АС Московского округа достаточно широкое распространение получила иная позиция. Она подвергается справедливой критике в литературе[14].

> *«Судом не дана оценка доводам ответчика о том, что поскольку договор расторгнут в связи с ненадлежащим исполнением лизингополучателем своих обязательств, лизингополучатель не может извлекать выгоду при определении сальдо, связанную с повышением цены на транспортное средство, при этом размер неосновательного обогащения ответчика за счет истца не может быть больше суммы всех платежей, уплаченных лизингополучателем. Иное свидетельствовало бы о неос-*

[14] *Никитин А.В.* указ. соч., с. 31-32.

> *новательном обогащении лизингополучателя»* (постановление АС Московского округа от 01.08.2017 по делу № А40-49223/16).

Аналогичная позиция содержится в постановлении от 14.11.2017 по делу № А40-4526/2017: «Судами не учтено, что истец не вправе извлекать выгоду из повышения цены на возвращенное лизингодателю имущество, с учетом того, что договор лизинга был расторгнут лизингодателем в связи с ненадлежащим исполнением лизингополучателем принятых на себя обязательств по этому договору, а предмет лизинга реализован по договору купли-продажи, при том что в пункте 7.4 договора стороны договорились, что цена предмета лизинга, по которой лизингополучатель намеревался приобрести предмет лизинга в собственность, складывается из закупочной цены и выкупной цены».

Если приложить такую логику суда к отношениям по кредитованию под залог, суд фактически решил, что залогодержателю должна достаться за счёт предмета залога не только задолженность заёмщика перед ним, но и сумма повышения стоимости предмета обеспечения. Ни малейших оснований в действующем законодательстве для этого нет. Поэтому все ссылки суда на какие-то незначительные обстоятельства не вызывают ничего, кроме удивления, и при этом никак не убеждают. Например, откуда суд берёт идею о том, что размер неосновательного обогащения лизингодателя за счет лизингополучателя не может быть больше суммы всех платежей, уплаченных лизингополучателем?

То есть если какой-нибудь заёмщик возьмёт в кредит 1 млн руб., заложив при этом вещь стоимостью 10 млн., он не сможет претендовать на выплату из выручки от продажи этой вещи более чем 1 млн? Это хочет сказать АС Московского округа? Но с какой стати? Зачем? Чем это обосновано?

Поэтому такая практика ошибочна, и суду следует отказаться от подобного обоснования. Ведь за ним скрывается, увы, непонимание правовой природы лизинга, равно как и метода сальдо.

Плата за финансирование: особенности начисления

В некоторых случаях суды при расчёте сальдо ошибочно исходят из того, что плата за пользование финансированием может быть взыскана за будущее время (весь период начисления лизинговых платежей по договору). В качестве примера можно привести постановление АС Московского округа:

> *«Суды установили, что стоимость предмета лизинга по договору купли-продажи составила 1 568 188,00 руб.; размер финансирования (стоимость предмета лизинга за вычетом аванса) составляет 895 062,80 руб.; плата за финансирование за весь срок действия договора лизинга составляет 419 829,34 руб.; плата за финансирование за период пользования истцом предметом лизинга составила 140 560,86 руб.*
> *Изъятый у лизингополучателя предмет лизинга реализован 15.08.2013 по цене 720 000 руб. на основании договора купли-продажи от 31.07.2013 № 572043-ПР/КЗН-13.*
> *Упущенная выгода (неполученный доход, разница между планируемым доходом и фактически полученным) составила 279 268,48 руб.*
> *Размер неустойки рассчитан исходя из согласованного сторонами размера в 0,5% за каждый день просрочки до даты расторжения договора и составляет 7837 руб.*
> *Таким образом, как установили суды, лизингодатель вправе получить по договору лизинга 1 322 726,60 руб. (сумма предоставленного финансирования + плата за ее пользование до момента возврата имущества лизингодателю + упущенная выгода + неустойка: 895 062,80+140 560,86+279 268,48+7837=1 322 729,14), однако фактически получил 965 559,72 руб. (245 559,72 (суммы, полученные от лизингополучателя, за минусом аванса) + 720 000 (стоимость предмета лизинга)»* (постановление АС Московского округа от 22.09.2016 по делу № А40-105452/15).

Суд взыскал разницу с лизингополучателя. Однако взыскание в данном случае платы за финансирование в качестве упущенной выгоды выглядит необоснованным, поскольку в кредитных отношениях такая логи-

ка при досрочном возврате кредита не применяется[15]. ВАС РФ в информационном письме от 13.09.2011 № 147 (Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре) ориентировал суды на то, чтобы при определении размера убытков кредитора учитывать, что он получает в свое распоряжение сумму кредита. Будучи профессиональным участником финансового рынка, банк (кредитор) распоряжается ею посредством выдачи кредита другому заемщику. Взыскание с заемщика причитающихся процентов до дня возврата кредита, определенного в договоре, могло привести к тому, что банк извлек бы двойной доход от предоставления в пользование одной и той же денежной суммы. Суд признал обоснованным взыскание в пользу банка процентов за один месяц, в течение которого после погашения заемщиком долга кредитор может понести потери, связанные с неразмещением полученных денежных средств по договору с новым заемщиком. При этом суд подчеркнул, что до тех пор, пока заемщик не исполнил требование банка о досрочном возврате суммы кредита, он обязан уплачивать проценты за пользование кредитом в размере, указанном в договоре.

Другим возможным вариантом является взыскание упущенной выгоды в виде разницы в процентных ставках между договорной и текущей ставкой по аналогичным кредитным операциям.

Очевидно, что если мы рассматриваем лизинг как разновидность финансирования (т.е. кредитной операции), мы должны применять к нему те же подходы и наработки, которые выработаны в судебной практике в отношении кредита.

Лизинговый платёж состоит из двух основных частей: капитал и проценты. Какая часть лизингового платежа направлена на возврат капитала (финансирования), а какая часть составляет проценты (плата за пользование капиталом), очень важно правильно определить в тех случаях, когда происходит досрочное расторжение договора.

Если договор предполагал 5-летний срок возврата финансирования и расторгается через 2 года, то очевидны два момента:

---

[15] *Никитин А. В.* указ. соч., с. 30.

1. Нельзя взыскивать с лизингополучателя лизинговые платежи за оставшиеся 3 года в полном объёме, поскольку в таком случае будет взыскан процент (плата за пользование финансированием), хотя реального пользования капиталом больше не будет.

2. Нельзя отказывать во взыскании с лизингополучателя всех платежей за оставшиеся 3 года, поскольку в этом случае лизингодатель не получит в полном объёме тот капитал, который предоставил лизингодателю.

Таким образом, из оставшихся лизинговых платежей подлежит уплате та часть, которая составляет капитал (финансирование).

Следует также учитывать, что все эти расчёты производятся до того, как приступают к определению стоимости предмета лизинга.

К сожалению, позиции судов по вопросу платы за финансирование в лизинге не отличаются единообразием даже в пределах одного федерального округа. Так, АС Московского округа в постановлении от 20.04.2016 по делу № А40-143109/2014 справедливо посчитал неправильным подход, согласно которому плата за предоставленное лизингополучателю финансирование должна определяться исходя из периода фактического использования истцом предмета лизинга, а именно до момента возврата предмета лизинга ответчику.

Суд правильно подчеркнул в судебном акте, что лизингодатель при помощи финансовых средств оказывает лизингополучателю своего рода финансовую услугу. Вместе с тем суд указал следующее:

> *«Риск неполучения платы за финансирование, изначально рассчитанной на весь срок действия договора лизинга, при его досрочном расторжении волей и интересом лизингодателя (путем одностороннего отказа от исполнения договора) не может возлагаться на лизингополучателя, поскольку такие последствия своих действий лизингодатель обязан предвидеть и при самозащите своих нарушенных прав выбирать соразмерный способ защиты»* (постановление АС Московского округа от 20.04.2016 по делу № А40-143109/2014).

С точки зрения конечного результата такая логика является правильной, но сама по себе мотивировка не свободна от недостатков. Дело совсем не в том, что лизингодатель отказался от договора и потребовал досрочного

возврата ему финансирования. В конце концов, предпосылки для этого создал лизингополучатель, когда допускал просрочки по договору. Дело в том, что финансирование реально возвращено. С этой минуты плата не может начисляться, поскольку в конструкции кредитного договора плата за пользование деньгами находится в каузальной связи с самим этим пользованием: нет пользования – не может быть и платы.

Однако совсем другой (неверный) подход демонстрирует тот же самый суд в другом судебном акте:

> *«Принимая во внимание, что общая сумма лизинговых платежей по договору составила 4 906 111,61 руб., из которой подлежит исключению аванс в размере 528 000 руб., истцом оплачены лизинговые платежи на общую сумму 1 064 946 руб., сумма страхового возмещения составила 3 023 680 руб., сумма фактически недополученных ответчиком денежных средств по договору лизинга составила 289 485,61 руб.»* (постановление АС Московского округа от 28.04.2016 по делу № А40-101161/15)

Из этой логики суда мы видим, что он вообще не исследовал ни размер платы за финансирование в договоре лизинга, ни сумму платы за будущее время. Возможно, в этом была недоработка юристов, представлявших интересы лизингополучателя в суде.

С рассмотренной проблемой тесно связан вопрос о том, с какого момента считается возвращённым финансирование лизингодателю.

Как и при кредитовании под залог, возможны две модели:

А – залоговая: финансирование возвращено в момент, когда вещь (предмет лизинга) реально реализована и за неё получены деньги;

Б – отступное: финансирование возвращено в момент возврата вещи (предмета лизинга).

Выбор модели зависит от соглашения сторон (в случае Б играет роль только оценка вещи). Наиболее честная и сбалансированная модель, по общему правилу – модель А.

АС Московского округа справедливо указал в постановлении от 22.09.2016 по делу № А40-105452/15: «Поскольку финансирование лизин-

гополучателя лизингодателем осуществляется в денежной форме, путем оплаты имущества по договору купли-продажи, то возвратом финансирования может считаться только дата фактического возврата указанного финансирования в денежной форме. То есть дата возврата финансирования не может быть ранее даты реализации изъятого имущества. При этом в случае, если денежных средств от реализации изъятого предмета лизинга в совокупности с внесенным лизинговыми платежами (за исключением авансового) будет недостаточно для того, чтобы возместить лизингодателю финансирование и плату за пользование финансированием, а также иные убытки и санкции, то плата за финансирование подлежит дальнейшему начислению в соответствии с процентной ставкой годовых, заложенной в договоре лизинга».

Итоговая обязанность по сальдо и момент начисления процентов по ст. 395 ГК РФ

При взгляде на договор лизинга как на кредитование с обеспечением в виде сохранения права собственности лизингодателя на предмет лизинга до момента полной уплаты всех лизинговых платежей может быть дан следующий ответ на вопрос о том, с какого момента подлежат уплате проценты на сумму сальдо, причитающуюся в пользу лизингополучателя.

Например, если стороны согласовали стоимость возвращаемого предмета лизинга и передали его лизингодателю и с учётом этой стоимости он обязан возвратить лизингополучателю сумму X, то проценты по ст. 395 ГК РФ как ответственность за несвоевременное исполнение денежного обязательства лизингодателя начнут начисляться по прошествии разумного срока на исполнение указанного денежного обязательства (ст. 314 ГК РФ), если иной срок не будет установлен соглашением лизингодателя с лизингополучателем. В данном соглашении также может быть предусмотрена иная мера ответственности за просрочку исполнения денежного обязательства, в частности неустойка.

В том случае если стороны не пришли к соглашению о стоимости предмета лизинга и о том, в чью пользу складывается сальдо взаимных требований, но данный предмет был возвращён лизингодателю (добровольно), то финальное сальдо сложится только в тот момент, когда лизингодатель определит стоимость предмета лизинга. Оптимально, чтобы та-

кое определение происходило посредством продажи предмета лизинга в разумный срок третьему лицу по справедливой цене (потому желательно – на торгах).

Если между сторонами имеет место спор и лизингополучатель отказывается добровольно возвратить предмет лизинга, то лизингодатель вправе предъявить следующие требования: 1) об отобрании предмета лизинга; 2) об отобрании предмета лизинга и расчёте суммы сальдо (взыскании лизинговых платежей). По-видимому, эти варианты имеет смысл оценить по-разному.

В первом варианте лизингодатель стремится забрать предмет лизинга для того, чтобы реализовать его в том или ином порядке. Следовательно, вопрос о стоимости данного предмета откладывается и не обязателен к рассмотрению в решении суда об удовлетворении иска. Впоследствии в зависимости от фактической реализации предмета в разумный срок после получения владения им можно будет говорить о формировании суммы сальдо. И только с этого момента, если образовалось денежное обязательство в пользу лизингополучателя, на него могут начисляться проценты по ст. 395 (и 317.1) ГК РФ.

Эта идея представлена в постановлении АС Московского округа от 28.10.2015 по делу № А40-214448/14: суд начислил лизингополучателю плату за пользование финансированием не по дату возврата предмета лизинга, а по дату поступления денежных средств от его реализации лизингодателем.

Об устойчивости практики АС Московского округа свидетельствует постановление того же суда от 27.01.2016 по делу № А40-63210/2015: плата за финансирование начисляется до момента поступления денежных средств от реализации предмета лизинга.

При этом значительные сложности может породить вопрос о том, что делать, если лизингодатель не реализует предмет лизинга в разумный срок. По-видимому, в таком случае лизингополучатель может доказывать, какой была рыночная стоимость этого предмета в момент наступления разумного срока, принимать во внимание эту стоимость при расчёте суммы сальдо и с этого момента начислять проценты за просрочку исполнения денежного обязательства перед ним.

В таком ключе высказался АС Московского округа в постановлении от 05.11.2015 по делу № А40-132903/14: по делу установлено, что предмет лизинга длительное время не был реализован, такое бездействие лизингодателя признано неразумным, и, как следствие, при расчёте сальдо применена оценочная стоимость предмета лизинга.

Затяжка на три года с продажей предмета лизинга, вследствие чего он упал в цене с 1 млн до 600 тыс. руб., признана неправомерной постановлением АС Московского округа от 16.06.2015 по делу № А40-140087/14. Помимо взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами за 3 года суд не начислил за этот период лизингополучателю плату за пользование финансированием, основанную на договоре лизинга.

Если проводить параллель с кредитованием под залог, то в этом случае вещь забирается залогодержателем (лизингодателем) из владения залогодателя (лизингополучателя) для последующей продажи с торгов. Размер погашенного обязательства, обеспеченного залогом, нельзя установить до того, как предмет не будет реально продан и за него не поступит выручка.

Во втором варианте в соответствии с п. 4 ПП ВАС № 17 стоимость предмета лизинга будет определена судом на основании отчёта оценщика. Если сальдо складывается в пользу лизингополучателя (с учётом стоимости возвращаемого предмета лизинга), то суд может удовлетворить только требование об отобрании предмета лизинга, при этом лизингополучатель может заявить встречный иск о взыскании суммы сальдо в свою пользу. Если он этого не сделает в данном процессе, взыскание возможно впоследствии путём предъявления самостоятельного иска лизингополучателем. Денежное обязательство лизингодателя следует считать возникшим не ранее, чем ему будет фактически передан предмет лизинга (предполагаем, что его стоимость закреплена в решении суда).

Таким образом, в предмет доказывания во втором случае должна входить стоимость предмета лизинга. Удовлетворяя иск, суд должен указывать, по какой стоимости передаётся лизингодателю предмет лизинга.

Решение и этой ситуации очень напоминает то, которое имело бы место при кредитовании под залог, если предмет залога отдаётся залогодержателю как отступное.

По такой модели фактически выстраивает практику АС Поволжского округа (постановление от 16.09.2015 № Ф06-56/2015), полагая, что возврат финансирования происходит в момент фактического возврата предмета лизинга, с интересной мотивировкой: «Фактический возврат финансирования не означает получение лизингодателем реальных денежных средств от реализации предмета лизинга, а означает лишь фактический возврат предмета лизинга, поскольку понятие «размер финансирования» используется в постановлении Пленума № 17 именно для целей расчета и математического выражения предмета лизинга. Ведь размер финансирования, используемый в расчете для целей определения предоставления лизингодателя, тоже не означает, что лизингополучателю переданы реальные денежные средства (закупочная цена минус аванс)».

Например, долг равен 10 тыс. руб., и на него ежедневно начисляются проценты в размере 10 (это соответствует процентной ставке 36,5% годовых). Если стороны договорились, что предмет залога стоит 8000, и передали его кредитору (фактически это сделка отступного), то с момента передачи проценты сокращаются до 2 в день (по той же процентной ставке), поскольку начисляются на остаток задолженности (2000). До тех пор пока передача не состоялась, проценты продолжают начисляться по 10 за каждый день. Напротив, если предмет залога оценен сторонами в 13 тыс., то до момента его передачи продолжают начисляться проценты по 10 за каждый день, но после его передачи, поскольку сальдо на 3000 отныне складывается в пользу должника (заёмщика), проценты в размере 3 в день будут начисляться на период просрочки исполнения кредитором обязательства по возврату должнику указанной суммы сальдо (3000).

В первом варианте, рассмотренном выше, если предмет передан кредитору, но цена его непонятна, то до момента продажи продолжают начисляться проценты на долг в 10 тыс. (по 10 в день), а после поступления выручки решение будет такое же, как описано в предыдущем абзаце, в зависимости от реальной цены продажи и от того, в чью пользу будет складываться сальдо.

Таким образом, проценты по ст. 395 ГК РФ подлежат начислению на сумму, размер которой установлен в пользу лизингополучателя по результатам соотнесения взаимных предоставлений сторон договора лизинга, с

момента, когда предмет лизинга (стоимость по оценке) или его стоимость (при продаже с торгов) реально получены лизингодателем.

Эта позиция прозвучала в важнейшем определении ВС РФ от 06.12.2017 № 305-ЭС17-12215. Правда, в этом судебном акте суд написал про «момент продажи» предмета лизинга, который, как мы знаем, может не совпадать с моментом оплаты (поступления денег лизингодателю). Но, видимо, не стоит толковать выражения судебного акта буквально, суд, обсуждая момент продажи, де-факто имеет в виду момент поступления выручки от продажи.

Лизинговые платежи в иностранной валюте

В том случае если лизинговые платежи исчислены в иностранной валюте (с платежом в рублях по курсу), как рассчитывается сальдо взаимных обязательств при отсутствии регулирования об этом в соглашении о расторжении договора лизинга?

Поскольку лизингодатель приобретает товар по заявке лизингополучателя и кредитует последнего посредством вложения денежных средств в покупку товара, его хозяйственный интерес состоит в том, чтобы получить от лизингополучателя (по меньшей мере) собственные затраты на приобретение товара. Это называется принципом окупаемости затрат лизингодателя на приобретение предмета лизинга. Этот принцип – ключевой для договора лизинга. Разумеется, наряду с возмещением понесённых затрат интерес лизингодателя сводится к необходимости извлечения прибыли. Эта прибыль для него, точно так же как для займодавца, заключается в процентной ставке, которую он получает от лизингополучателя на предоставленную в распоряжение последнего сумму финансирования.

Таким образом, предоставив лизингополучателю кредит, например, на 1 млн долларов с условием об уплате 10% годовых в валюте, лизингодатель имеет право получить назад сумму кредита и проценты. В виде лизинговых платежей лизингодатель получает возмещение кредита и процентов в рублях, но учитывает объём исполненных обязательств перед ним в иностранной валюте по соответствующему курсу. Таким образом, в момент, когда подводится сальдо взаимных обязательств, всегда есть понимание о размере задолженности лизингополучателя в иностранной валюте на эту дату (основной долг и проценты, возможно, также неустойка).

Предмет лизинга, принимаемый во владение лизингодателя, впоследствии продаётся в рублях. Выручка от его продажи влияет на сальдо взаимных обязательств. Данная выручка принимается по рублёвому номиналу в момент её получения и пересчитывается в иностранную валюту по курсу на эту же дату.

В том случае если сальдо взаимных обязательств складывается в пользу лизингодателя, то лизингополучатель по-прежнему обязан уплатить сумму долга, номинированного в иностранной валюте (ибо в этой валюте им был фактически получен кредит).

Если сальдо взаимных обязательств складывается в пользу лизингополучателя, то размер его переплаты определяется по курсу, который имел место не на момент внесения периодических платежей, а на момент исчисления сальдо. В этот же момент должен происходить пересчёт выручки в рублях в иностранную валюту, и если лизингодатель немедленно не уплачивает указанную сумму сальдо, то она остаётся зафиксированной в валюте с возложением на лизингодателя рисков валютных колебаний.

Иными словами, ситуация должна решаться таким же образом, как и при валютном кредите. Предположим, кредитор ошибочно получил излишние платежи на 100 долларов по курсу 30 руб. за 1 доллар (т.е. 3000 руб.), но на момент, когда это установлено и он обязан вернуть 100 долларов, курс возрос до 50 руб. за 1 доллар. В этом случае на кредитора возлагается обязанность заплатить 5000 руб. Риски удорожания стоимости валюты возлагаются на должника по денежному обязательству.

Проиллюстрируем данные рассуждения на примере залога. Допустим, кредитор предоставил должнику кредит на 1 млн долларов под залог 10 тракторов. Должник выплатил 700 тыс. долларов по курсу в рублях и допустил просрочку. После реализации заложенных тракторов выручка составила 25 млн руб. Из этой суммы изымаются 300 тыс. долларов по тому курсу, который имеет место на сегодняшний день (например, 70 руб. за 1 доллар, т.е. 21 млн руб.), и направляются кредитору. Оставшиеся 4 млн руб. должны быть переданы должнику (залогодателю). Если кредитор уклоняется от их уплаты, можно считать справедливым, чтобы эти деньги были пересчитаны в иностранную валюту по тому же курсу (70 руб. за 1 доллар) с тем, чтобы при дальнейшем росте курса размер задолженности

кредитора перед залогодателем в рублёвом выражении также пропорционально увеличивался.

О том, что если сторонами избрано исчисление лизинговых платежей в иностранной валюте, то и сальдо в пользу лизингополучателя должно исчисляться в той же валюте, говорится в новейшей практике АС Московского округа (постановление от 27.01.2016 по делу № А40-63210/2015). В данном деле судом установлено, что до расторжения договора истец уплатил 96 000 евро аванса и 418 579,48 евро лизинговых платежей, что составляет 77,2% от суммы лизинговых платежей.

С учетом положений ПП ВАС РФ от 14.03.2014 № 17, суд первой инстанции установил сальдо встречных обязательств по договору лизинга в пользу лизингополучателя в размере 263 416,36 евро. Суд апелляционной инстанции немного уточнил эту сумму.

Суд кассационной инстанции направил дело на новое рассмотрение, поскольку предмет лизинга реализован лизингодателем за 150 844, 26 евро, а суды при расчёте сальдо исходили из стоимости возвращенного предмета лизинга в 313 831,25 евро на основании отчета оценщика. Как видим, при этом у суда кассационной инстанции не было никаких сомнений в том, что сумма сальдо должна определяться в евро, вопросы возникли только по размеру стоимости предмета лизинга. Суд не принял также подход, связанный, по-видимому, с желанием адаптировать договор лизинга к изменившейся экономической ситуации и к резкому росту курса иностранной валюты; по этому подходу при расчёте сальдо предлагалось брать средневзвешенный курс евро в районе 44 руб.

Таким образом, если лизинговые платежи были определены в иностранной валюте, то и образованное при расторжении договора ликвидационное обязательство (обязательство по сальдо) подлежало исчислению в иностранной валюте.

Соглашение сторон о стоимости предмета лизинга

Вопрос о стоимости предмета лизинга, который возвращается лизингодателю, имеет ключевое значение в методе сальдо.

Оптимален вариант, при котором лизингодатель и лизингополучатель не спорят о стоимости возвращаемого предмета лизинга. В этом случае в

распоряжении сторон имеются все условия для того, чтобы правильно рассчитать сумму сальдо.

Вопрос о стоимости предмета лизинга является преимущественно вопросом факта, если смотреть на него с процессуальной точки зрения. То есть это обстоятельство может устанавливаться только арбитражными судами первой и апелляционной инстанций. Тем не менее, поскольку размер стоимости определяется посредством волеизъявлений сторон, если данные волеизъявления имеют какие-то пороки или противоречат закону, а также совершаются неуполномоченными лицами, суд кассационной инстанции вправе высказаться по поводу соглашения сторон и расценить его, например, как недействительное. Однако и в таком случае размер фактической стоимости предмета лизинга должен определяться судом первой инстанции после передачи дела на новое рассмотрение.

Если стороны юридически действительным образом согласовали стоимость предмета лизинга (а её размер, безусловно, влияет на то, в чью пользу складывается сальдо взаимных обязательств), то они принимают на себя риски того, что в действительности при реальной продаже это имущество удастся продать дешевле или дороже.

Нормативным основанием для вывода о допустимости определения сторонами стоимости предмета лизинга выступает принцип свободы договора (ст. 421 ГК РФ), на который обращает внимание и Верховный суд Российской Федерации (определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 04.08.2015 № 310-ЭС15-4563), и учёные[16].

Возможен ли пересмотр последствий расторжения договора лизинга, в случае если при расторжении договора стороны заключили соглашение, в котором определили суммы, причитающиеся сторонам как последствие расторжения, в том числе оценили стоимость предмета лизинга, возвращаемого лизингодателю? Как представляется, такой пересмотр возможен в незначительном количестве случаев.

Соглашение о расторжении договора и его последствиях является таким же обязательным для сторон, как и сам первоначальный договор. Отступление от условий соглашения по общему правилу не допускается. Можно помыслить два варианта, при которых можно ставить вопрос о не-

---

[16] *Бевзенко Р.С., Усачева К.А.* указ. соч.

обязательности для лизингополучателя правил соглашения о расторжении договора лизинга: 1) недействительность упомянутого соглашения; 2) неисполнение лизингодателем каких-либо условий соглашения о расторжении договора (если это соглашение подразумевает какое-либо исполнение с его стороны). Рассмотрим эти варианты подробнее.

Во-первых, соглашение о расторжении договора лизинга и установлении последствий расторжения может являться недействительной сделкой. Причины недействительности могут находиться в пороках воли и волеизъявления (существенное заблуждение или обман), в нарушении правил законодательства и т.п.

Отдельный вид нарушения упоминается в абз. 2 п. 2 ПП ВАС № 35: последствия расторжения договора, отличные от предусмотренных законом, могут быть установлены соглашением сторон с соблюдением общих ограничений свободы договора, определенных в постановлении Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» (далее – ПП ВАС № 16). Смысл этого разъяснения заключается в том, что условие соглашения о расторжении договора может быть признано несправедливым договорным условием по смыслу п. 9 ПП ВАС РФ № 16. В таком случае потерпевшая сторона может требовать расторжения соглашения о расторжении договора лизинга по п. 2 ст. 428 ГК РФ, признания данного соглашения ничтожным на основании ст. 169 ГК РФ или неприменения несправедливых договорных условий из данного соглашения на основании ст. 10 ГК РФ.

При этом следует учитывать одну немаловажную особенность. В иностранных правопорядках несправедливыми договорными условиями могут признаваться любые условия за исключением условий о цене (о размере встречного предоставления)[17]. Для условий о цене предусматривается единственная оговорка: такое условие может стать предметом контроля суда за справедливостью соглашения в том случае, если при их формулировании не было соблюдено требование прозрачности[18]. Разумеется, если стоимость предмета лизинга явно закреплена в соглашении о расторжении договора лизинга, то требование прозрачности соблюдено.

---

[17] *Карапетов А.Г., Савельев А.И.* Свобода договора и её пределы. Т.2. – М.: Статут, 2012. С. 229 (Германия), с. 249 (Франция), с.256 (Англия), с. 268 (США) и др.
[18] Там же. С.230, 249.

Поэтому возможная защита – признание сделки недействительной как кабальной (в некоторых правопорядках эта сделка оспоримая, как в России, в некоторых – ничтожная, как в Германии).

Не считая возможным отступать от указанного опыта, посмотрим, к чему относятся условия об определении размера стоимости лизингового имущества при расторжении договора лизинга. Это соглашение, на наш взгляд, сродни тому, которое заключает залогодатель и кредитор при передаче предмета залога в качестве отступного. В широком экономическом смысле можно сказать, что одна из сторон (залогодатель) продаёт свой товар кредитору, а тот расстаётся со своими требованиями о возврате суммы кредита в порядке зачёта собственных обязательств об уплате покупной цены. Так происходит и в лизинге. Соглашаясь на невыгодную для себя стоимость предмета лизинга (при превышении рыночной цены пострадавшим является лизингодатель, при занижении – лизингополучатель), любая из сторон лизинга распоряжается собственными правами, принимает на себя риск хозяйственной деятельности, в том числе собственной ошибки. Условие о размере стоимости предмета лизинга, безусловно, относится к условию о цене в договоре. На такое условие должно распространяться ограничение судебного контроля несправедливых договорных условий. Следовательно, суд не вправе вмешиваться в решение сторон за исключением отмеченных выше случаев кабальности сделки.

Кроме того, немаловажным обстоятельством является запрет внутренне противоречивого поведения (проявление принципа добросовестности) и учёт ожиданий другой стороны соглашения (п. 3 ст. 307 ГК РФ). Например, если лизингополучатель согласует цену возвращаемого предмета лизинга в размере X, то лизингодатель вправе полагаться на эту цену и продать товар по такой цене третьему лицу. Если бы лизингополучатель возражал против такой цены, лизингодатель учитывал бы это и стремился бы продать имущество по максимальной цене, чтобы избежать возможных претензий (или вообще воздержался бы от продажи данного имущества до разрешения спора). Но поскольку возражений от лизингополучателя не поступает, лизингодатель рассматривает вещь как свою собственную и вправе продать её по любой цене. Если впоследствии лизингополучатель доказывает, что реально вещь стоила 2X, на лизингодателя ложатся совершен-

но необоснованные и неожиданные имущественные потери. При этом недобросовестности в его действиях, по-видимому, не усматривается. В отличие от действий лизингополучателя.

Второе основание – существенное нарушение лизингодателем обязанностей по соглашению о расторжении договора лизинга, – подробно рассматривать не имеет смысла, поскольку довольно сложно спрогнозировать, в чём бы такое нарушение могло заключаться.

Таким образом, заключённое сторонами договора лизинга соглашение о стоимости возвращаемого предмета лизинга и о размере сальдо взаимных обязательств является обязательным для сторон, и без его формального оспаривания или признания судом недействительным от него нельзя отступать ни сторонам, ни суду. Сторона, которая отказывается от подписанного ею условия соглашения, должна внимательно проверяться судом на предмет недобросовестности её действий.

Оценка vs. реальная продажная цена предмета лизинга

Согласно п. 4 ПП ВАС РФ № 17, «указанная в пунктах 3.2 и 3.3 настоящего постановления стоимость возвращенного предмета лизинга определяется по его состоянию на момент перехода к лизингодателю риска случайной гибели или случайной порчи предмета лизинга (по общему правилу статьи 669 ГК РФ – при возврате предмета лизинга лизингодателю) исходя из суммы, вырученной лизингодателем от продажи предмета лизинга в разумный срок после получения предмета лизинга или в срок, предусмотренный соглашением лизингодателя и лизингополучателя, либо на основании отчета оценщика (при этом судам следует принимать во внимание недостатки, приведенные в акте приема-передачи предмета лизинга от лизингополучателя лизингодателю).

Лизингополучатель может доказать, что при определении цены продажи предмета лизинга лизингодатель действовал недобросовестно или неразумно, что привело к занижению стоимости предмета лизинга при расчете сальдо взаимных обязательств сторон. В таком случае суду при расчете сальдо взаимных обязательств необходимо руководствоваться, в частности, признанным надлежащим доказательством отчетом оценщика»

Это разъяснение порождает следующие вопросы: как быть, если продажа не произошла в разумный срок? Как правильно вести себя сторонам?

Например, прошёл месяц после изъятия предмета лизинга, но лизингодатель его ещё не успел продать. Может ли лизингополучатель выйти в суд с требованием, в основу которого он положит расчёт, основанный на оценке предмета лизинга?

При ответе на данный вопрос, как и на любой другой вопрос в лизинге, надо определиться с теорией, на которой мы концептуально стоим. Если это кредитная теория, приравнивающая лизинг к кредитованию под обеспечение, то последовательно было бы ответить на поставленный вопрос следующим образом: лизингодатель (так же, как залогодержатель) обязан предпринять усилия, направленные на скорейшую реализацию предмета лизинга. Если иск к нему предъявляется в тот момент, пока этот разумный срок ещё не истёк, в иске должно быть отказано. Но этот отказ не должен препятствовать предъявлению аналогичного иска позднее, т.к. у него будет новое основание – истечение разумного срока.

Если же иск будет заявлен в условиях, когда лизингодатель пропустит разумный срок на реализацию предмета лизинга (это обстоятельство доказывает лизингополучатель – истец), суд может применить оценочную стоимость предмета лизинга. Если она фактически окажется выше, чем сумма, которую лизингодатель сможет извлечь от продажи в будущем, образовавшиеся у него потери будут восходить к его собственному неразумному поведению.

То же самое относится к ситуации, когда лизингодатель продаст предмет лизинга по цене ниже рыночной. Имея в виду только свой собственный интерес в возврате финансирования, который может быть значительно ниже цены вещи (например, вещь стоит 10 млн руб, а остаток финансирования – всего 2 млн), лизингодатели нередко занижают продажную стоимость предмета лизинга. Это может происходить как из недобросовестных побуждений (например, ответственный сотрудник лизинговой компании, понимая рыночную стоимость вещи, продаёт её своей аффилированной компании в два раза дешевле, чтобы положить выгоду себе в карман), так и по недоразумению, без какого-либо злого умысла. В последнем случае лизинговая компания стремится продать предмет как можно быстрее, просто не особо заботясь об интересах лизингополучателя, которому должна достаться разница.

И в первом, и во втором случае лизингополучатель имеет право требовать возмещения недополученных сумм точно так же, как залогодатель вправе их требовать от залогодержателя, продавшего предмет залога с недобросовестным или явно неразумным занижением цены[19].

В ряде случаев суды эффективно защищают права лизингополучателей.

Например, в постановлении АС Дальневосточного округа от 30.01.2018 № Ф03-5088/2017 установлены следующие обстоятельства. Лизингодатель продал самосвалы по цене 2,1 млн руб., а экспертиза показала их стоимость сначала в размере 12,1 млн руб., а после уточнения в дополнительной экспертизе – 11,7 млн руб. Разница была взыскана с лизингодателя в пользу лизингополучателя. Это дело демонстрирует отличный пример того, насколько существенным может быть расхождение между оценочной ценой и реальной ценой продажи и как сильно, в свою очередь, могут быть нарушены права лизингополучателя на разницу между ценой вещи и интересом лизингодателя в ней.

В качестве иных примеров, когда суды отдали предпочтение оценочной стоимости предмета лизинга, можно назвать два постановления АС Московского округа: 1) от 25.12.2017 по делу № А40-182582/15 – дело направлено на новое рассмотрение с указанием проверить расхождение между отчётом оценщика, установившим цену 2,8 млн руб., и реальной ценой продажи за 1,4 млн руб. (причём продажа произошла спустя 15 месяцев после возвращения предмета лизинга лизингодателю); и 2) от 13.11.2017 по делу № А40-7866/2017 – предмет лизинга реализован за 3,5 млн руб., а по данным портала продажи автомобилей drom.ru аналогичный товар стоил 4,6 млн, соответственно, разница взыскана с лизингодателя.

Однако в значительном числе судебных актов приоритет отдаётся реальной продажной цене, а не оценочной стоимости (постановления АС Восточно-Сибирского округа от 16.03.2017 по делу № А19-5789/2015, АС Московского округа от 28.09.2017 по делу № А40-224165/2016, Уральского округа от 10.08.2016 № Ф09-8412/14).

---

[19] О том, что это принципиальная позиция, в литературе автором указывалось и раньше. См.: *Егоров А.В.* Договор выкупного лизинга. Правила игры от ВАС РФ // Арбитражная практика. 2014. № 8. С. 32.

Оценить, правильно ли поступают суды в таких случаях, достаточно трудно, поскольку всё зависит от фактических обстоятельств дела и от того, насколько убедительными были доводы лизингополучателя, ссылавшегося на то, что продажа происходила по заниженной стоимости.

С одной стороны, реальная продажа предмета лизинга всегда достовернее определяет его стоимость, чем предположения оценщика. С другой стороны, это относится только к честной продаже, прежде всего, продаже на торгах.

Если продажа являлась непрозрачной, вещь не передавалась для реализации независимому третьему лицу (например, в автосалон), лизингополучателя не уведомляли о предполагаемой продажной цене, не предлагали ему подыскать покупателей по более высокой стоимости и т.п., то это веские признаки в пользу того, что лизингодатель вёл себя недостаточно добросовестно и суду следует внимательнее присмотреться к оценочной стоимости предмета лизинга.

Поэтому, когда суды отказывают признать оценочную стоимость, возможно, они правы. Но возможно, что и не правы. Поэтому оптимальной для взвешенного решения проблемы стала бы модель продажи лизингового имущества на торгах (в т.ч. на электронных площадках), при которой уже никогда лизингополучатели не могли бы ссылаться на оценочную стоимость предмета лизинга.

Но если лизингодатель не затруднил себя тем, чтобы обеспечить объективные доказательства честной продажи, суды в большем числе случаев должны обращать внимание на оценку предмета лизинга.

Продажа предмета лизинга с торгов: оспаривание цены

Если стороны не могут договориться о стоимости предмета лизинга (в результате разных представлений о степени его износа, спроса на рынке и т.п.), то в договоре лизинга целесообразно изначально предусматривать механизм определения такой стоимости. В качестве данного механизма может выступать обращение к какой-либо согласованной сторонами независимой оценочной компании, но самым лучшим объективным способом выяснения стоимости предмета лизинга являются торги по его реализации. Если проведены торги и они прошли с соблюдением надлежащей про-

цедуры, лизингополучатель, недовольный ценой, вырученной за предмет лизинга, не может более ссылаться на то, что в занижении цены виноват лизингодатель. Цена, достигнутая на торгах, выявляет реальное соотношение спроса и предложения. Лизингополучатель, полагающий, что предмет лизинга стоит дороже, не лишён возможности найти на него покупателя по более высокой цене и способствовать тому, чтобы данный покупатель принял участие в торгах и одержал на них победу. Если же лизингополучатель не предпримет никаких подобных действий, он заведомо попадает в более слабую позицию, его утверждения о занижении продажной цены предмета лизинга оказываются совершенно голословными.

Если же в договоре лизинга не будет предусмотрен механизм определения справедливой рыночной цены предмета лизинга и лизингодатель потребует от суда отобрания предмета лизинга у лизингополучателя в силу права собственности лизингодателя и ввиду прекращения (расторжения) договора лизинга, то лизингодателя всегда будет подстерегать риск того, что как бы эффективно он потом ни распорядился предметом лизинга, лизингополучатель сможет запастить заключением оценщика, в котором будет высказано предположение о том, что предмет лизинга в действительности стоил дороже.

В п. 4 ПП ВАС № 17 намечен именно этот путь, поскольку там установлено, что стоимость возвращенного предмета лизинга определяется по его состоянию на момент перехода к лизингодателю риска случайной гибели или случайной порчи предмета лизинга (по общему правилу ст. 669 ГК РФ – при возврате предмета лизинга лизингодателю) исходя из суммы, вырученной лизингодателем от продажи предмета лизинга в разумный срок после получения предмета лизинга или в срок, предусмотренный соглашением лизингодателя и лизингополучателя.

Из этой формулировки мы видим, что риск ухудшения состояния предмета лизинга после его передачи лизингодателю несёт последний, а риск ценовых колебаний в пределах разумного срока, необходимого для его продажи, – лизингополучатель. Конкретизацию того, что имеется в виду под разумным сроком, разумеется, стоит предпринимать сторонам в договоре лизинга.

На тот случай, если лизингодатель предпримет попытку злоупотребления (например, продаст предмет лизинга по прямому договору купли-

продажи без проведения торгов какой-нибудь своей аффилированной структуре и т.п.), в ПП ВАС № 17 установлены меры защиты лизингополучателя. Лизингополучатель может доказать, что при определении цены продажи предмета лизинга лизингодатель действовал недобросовестно или неразумно, что привело к занижению стоимости предмета лизинга при расчете сальдо взаимных обязательств сторон. В таком случае суду при расчете сальдо взаимных обязательств необходимо руководствоваться, в частности, признанным надлежащим доказательством отчетом оценщика.

Разумеется, нельзя полагать, что отчёт оценщика должен являться безусловным доказательством неразумности действий лизингодателя по продаже предмета лизинга. Отчёт оценщика – это не более чем предположение о возможной рыночной цене. В некоторых делах суды сталкиваются с расхождениями в отчётах разных оценщиков в два и более раза. Таким образом, как и любое другое доказательство, отчёт оценщика не имеет для суда заранее установленной доказательственной силы. Содержание отчёта оценщика также должно исследоваться судом – через какие именно обстоятельства оценщик пришёл к своим выводам о рыночной цене. Если присутствует значительный рынок однотипных товаров (например, б/у легковых автомобилей), это одно дело. Если же объявления о продаже сложной строительной техники встречаются 2-3 раза за год, то далеко не очевидно, что реальные сделки продажи техники происходят именно на тех условиях, на которых предлагают технику продавцы.

Равным образом, если оценщик использовал какие-либо показатели вроде выкупной цены, амортизации предмета лизинга и т.п., вместо того чтобы определять его рыночную стоимость, суд может отклонить его выводы (постановление АС Уральского округа в постановлении от 12.02.2015 № Ф09-7899/12).

Для доказывания стоимости предмета лизинга может быть назначена экспертиза. Так, в постановлении АС Уральского округа от 20.05.2015 № Ф09-1903/15 указано, что при несогласии лизингополучателя со стоимостью предмета лизинга (2,6 млн руб. – цена реализации против 7,6 млн руб. – по мнению лизингополучателя) он вправе потребовать назначения экспертизы, но не воспользовался данным правом.

В некоторых случаях суд высказывается в том ключе, что преодолеть отчёт оценщика можно только посредством экспертизы:

> *«В соответствии со ст. 17.1 ФЗ РФ от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ» единственным способом доказывания недостоверности отчета об оценке является проведение его судебной экспертизы, которая должна быть проведена экспертом СРО, в котором состоит оценщик, подготовивший отчет»* (постановление АС Московского округа от 16.01.2015 по делу № А40-177978/13).

Данную позицию довольно сложно примирить с позицией по другим делам, в которых суды Московского округа не принимают заключения экспертизы или отклоняют ходатайства о проведении экспертизы для определения правильности заключения оценщика. Речь идёт о постановлениях АС Московского округа:

> *«Поскольку доказательств того, что цена предмета лизинга неразумно или недобросовестно занижена лизингодателем при заключении договора купли-продажи, не представлено, является обоснованным определение судом стоимости предмета лизинга на основании договора купли-продажи. С учетом изложенного, доводы жалобы о том, что судом необоснованно не принято заключение экспертизы, которым установлена стоимость предмета лизинга на дату его продажи лизингодателем, судом кассационной инстанции не принимаются»* (постановление от 29.12.2015 по делу № А40-175489/14).

> *«Истцом в материалы дела представлен отчет об оценке, выполненный ООО «ГРАНД РЕАЛ», согласно которому цена предмета лизинга на момент его возврата составляет 2 340 550 руб. Ответчиком представлен отчет о рыночной стоимости предмета лизинга, а также заявлено ходатайство о назначении по делу экспертизы с целью установления рыночной стоимости предмета лизинга. Судом первой инстанции в удовлетворении ходатайства о назначении судебной экспертизы отказано. При этом суд указал, что сомневаться в объективности отчета об оценке, выполненного ООО «ГРАНД РЕАЛ», у суда не имеется. С учетом*

> *того, что со времени возврата предмета лизинга истекло достаточное количество времени, суд пришел к выводу о том, что результат судебной экспертизы не будет отвечать требованиям объективности»* (постановление от 16.12.2015 по делу № А41-38614/14)

> *«Отказывая в назначении судебной экспертизы, суды правомерно исходили из того, что истец не обосновал необходимость проведения экспертизы, само же по себе наличие отчетов об оценке с более высокой рыночной ценой имущества не свидетельствует о наличии оснований для назначения экспертизы, поскольку, согласно ст. 3 Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», рыночная цена отражает лишь вероятную стоимость имущества без учета реальной возможной ее продажи по такой цене в конкретных обстоятельствах. В связи с чем суды сделали вывод, что для рассмотрения настоящего дела не требуется специальных знаний, дело может быть рассмотрено на основании имеющихся в деле доказательств»* (постановление от 06.10.2015 по делу № А40-217330/14).

Подробно вопросы продажи предмета лизинга разобраны в постановлении 5ААС от 20.01.2016 № 05АП-11069/2015. В данном деле выражена позиция, согласно которой оценка предметов лизинга не должна быть абстрактной, при ней следует учитывать реальное состояние возвращаемой техники (оно было признано неудовлетворительным в данном случае). Также это дело интересно тем, что суд первой инстанции с учетом характера спора обоснованно принял во внимание тот факт, что до отчуждения техники третьему лицу ответчик предлагал истцу выкупить предметы лизинга уведомлением от 10.04.2012 по цене 315 998,83 руб. за грузовой тягач и 101 998,43 руб. за полуприцеп-контейнеровоз с просьбой в случае отказа в выкупе оказать содействие в реализации техники, а также порекомендовать покупателя. Лизингополучатель отказался, но при этом пытался потом доказывать, что эта цена была явно заниженной.

АС Московского округа порой довольно спокойно относится к тому, что заключение оценщика может давать результат в два и более раза превышающий цену реализации предмета лизинга лизингодателем. Так, в по-

становлении от 27.01.2016 по делу № А40-63210/2015 рассмотрен случай, когда предмет лизинга был продан лизингодателем по цене 150 844,26 евро. Нижестоящие суды посчитали эту цифру заниженной, имея в виду заключение оценщика о том, что на самом деле предмет лизинга стоил 313 831,25 евро. Направляя дело на новое рассмотрение, кассационная инстанция указала, что в материалах дела отсутствуют какие-либо доказательства, свидетельствующие о том, что при продаже предмета лизинга ответчик действовал недобросовестно или неразумно, что привело к продаже транспортного средства по заниженной цене. В подтверждение своего вывода суд упомянул, что представленные истцом отчеты об оценке выполнены без осмотра предмета лизинга, содержат существенные недостатки.

Встречаются в судебной практике дела, в которых разница между заключениями оценщика может составлять пять или более раз. АС Северо-Западного округа в постановлении от 12.11.2015 по делу № А56-2336/2015 столкнулся с ситуацией, когда один отчёт показал цену 69 тыс. руб., а другой – 424 тыс. (правда, вторая оценка была по документам, без фактического осмотра автомобиля). В данном деле суды выбрали наименьшую из оценок, принимая во внимание наличие в автомобиле скрытых дефектов.

Во многих делах, приведённых выше, суды (в частности, АС Московского округа, в котором сосредоточено большинство дел по лизингу) принимали решения в пользу лизингодателей. Однако так происходило далеко не всегда. Например, в следующем постановлении суд пришел вот к таким выводам:

> *«Таким образом, при расчете неосновательного обогащения стоимость предмета лизинга на момент его возврата лизингодателю должна была быть принята исходя из его стоимости, определенной в отчете независимого оценщика, а не в договоре купли-продажи от 10.07.2014, по которому предмет лизинга был продан обществом. Поскольку автомобиль был реализован обществом по договору купли-продажи от 10.07.2014, то есть, спустя год после его возвращения (11.07.2013), цену его продажи в размере 700 000 рублей на дату возвращения лизингополучателем предмета лизинга нельзя считать достоверной. По экспертному заключению рыночная стоимость автомобиля на дату*

> *его возвращения определена в размере 1 838 000 рублей»* (постановление от 27.05.2015 по делу № А40-34183/14).

Одно из немногих дел, ставших предметом рассмотрения Экономколлегии ВС РФ, также решено не в пользу лизингодателя (определение от 24.07.2015 № 305-ЭС15-9577). В этом деле суды исходили из того, что предмет лизинга реализован лизингодателем по заниженной цене (761 325,00 руб.), с учетом первоначальной стоимости грузового самосвала HOWO ZZ3327 N 3847C 2011 года выпуска, равной 2 469 000 руб., срока его полезного использования 3-5 лет и его фактического использования на протяжении 15 месяцев. Однако отчёт о рыночной стоимости самосвала показал сумму 1 413 960 руб. Этот отчет признан судами надлежащим и достаточным доказательством фактической стоимости единицы техники. Как указано судом, отчет об оценке лизингодателем при продаже предмета лизинга не составлялся, цена при продаже определялась волей и интересом только продавца и покупателя и не предполагала учет интересов лица, инвестировавшего в его приобретение не менее 30% стоимости автомобиля.

Таким образом, прямая реализация предмета лизинга лизингодателем таит в себе существенные риски, связанные с неопределённостью судебной практики, и, напротив, пересмотр цены, по которой предмет лизинга был продан с торгов, без оспаривания торгов по мотивам нарушения правил их проведения, практически исключён. По этой причине торги являются лучшим способом выяснения реальной стоимости предмета лизинга.

Неразумность продажи и заключение оценщика

В практике арбитражных судов получила распространение довольно удивительная позиция, согласно которой к оценке отчёта оценщика суду следует переходить только в том случае, если лизингополучатель докажет, что действия лизингодателя по продаже предмета лизинга были неразумными или недобросовестными. Хотя очевидно, что сама неразумность действий лизингодателя как раз и доказывается при помощи заключения оценщика. Например, автомобиль продан за 500 тыс. руб., а из за-

ключения оценщика следует, что он никак не мог стоить менее 1,2 млн, даже с учётом того состояния, в котором он находился.

Налицо чересчур буквальное, на наш взгляд, толкование п. 4 ПП ВАС № 17:

> *«Лизингополучатель может доказать, что при определении цены продажи предмета лизинга лизингодатель действовал недобросовестно или неразумно, что привело к занижению стоимости предмета лизинга при расчете сальдо взаимных обязательств сторон. В таком случае суду при расчете сальдо взаимных обязательств необходимо руководствоваться, в частности, признанным надлежащим доказательством отчетом оценщика»* (абз. 2 п. 4 ПП ВАС № 17).

Видимо, полагая, что главным в процитированном разъяснении является выражение «в таком случае», означающее, по мнению суда, предшествование во времени двух процессов (определение неразумности действия лизингодателя и выяснение реальной цены предмета лизинга), суды порой пишут: «...бремя доказывания того обстоятельства, что лизингодатель действовал недобросовестно или неразумно, лежит на лизингополучателе. И лишь в случае, если это будет доказано, суд должен руководствоваться отчетом оценщика» (постановление 17 ААС от 10.07.2015 по делу № А60-57732/2014).

Об этом говорится, в частности, также в следующих судебных актах: постановления АС Северо-Западного округа от 30.09.2015 по делу № А56-32819/2014, от 17.08.2015 по делу № А56-2506/2013; АС Западно-Сибирского округа от 08.04.2015 по делу № А46-3423/2014; АС Уральского округа от 06.10.2015 № Ф09-7336/15; АС Московского округа от 10.08.2015 по делу № А40-150822/13-76-1337, от 03.08.2015 по делу № А40-126896/12-161-1193.

Напротив, оправдана мотивировка АС Северо-Кавказского округа в постановлении от 14.12.2015 по делу № А32-17712/2014: «Определяя сальдо встречных обязательств на основе фактической стоимости экскаватора, полученной лизингодателем при его реализации, суды указали, что, реализовав предмет лизинга в достаточно сжатые сроки с момента изъятия (3 месяца) по цене 3,8 млн руб., превышающей результат первоначальной не-

зависимой оценки, компания действовала разумно и добросовестно. Поиск покупателей по более высокой цене мог бы привести к значительному увеличению расходов».

Определение цены предмета лизинга при замене лизингодателя

В практике встречаются случаи, когда лизингополучатель уклоняется от возвращения предмета лизинга, и лизингодатель выходит из этой сделки, уступая свою правовую позицию в договоре третьему лицу. При этом одновременно третьему лицу (новому лизингодателю) передаётся право собственности на предмет лизинга.

В одном из таких случаев суд оценил эту стоимость по выкупной цене предмета лизинга, что навскидку может показаться крайне несправедливым. Однако в действительности это не так. Процитируем судебный акт кассации:

> *«Апелляционный суд в рассматриваемом случае, исходя из установленных выше обстоятельств, учитывая невозврат имущества лизингополучателем, положения п. 8.2, 8.3, 8.5 договоров лизинга, сделал правильный вывод о том, что при определении цены реализации предметов лизинга общество «Транслизинг» действовало добросовестно, установив цену продажи в размере выкупной стоимости. С учетом поведения общества «Московка» определить иную стоимость не представлялось возможным.*
>
> *Кроме того, суд апелляционной инстанции принял во внимание, что истец, заинтересованный в осуществлении реализации лизингодателем предметов лизинга по более высокой цене, не представил доказательств принятия со своей стороны каких-либо мер по поиску покупателей данной спецтехники в целях рекомендации (направления) таковых ответчику.*
>
> *При таких обстоятельствах апелляционный суд пришел к правомерному выводу о том, что в расчете сальдо встречных обязательств стоимость предметов лизинга следует определить в размере цены их реализации.*

> *Противоположный подход привел бы к защите прав недобросовестной стороны. Иных достоверных и объективных доказательств, устанавливающих иную стоимость спорного имущества, материалы дела не содержат и сторонами не представлены»* (постановление АС Уральского округа от 11.12.2017 № Ф09-7342/17).

При этом иск был подан лизингополучателем о взыскании 7 млн руб., а в лизинге находились три единицы строительной техники с закупочной ценой 6,3 млн, 2,5 млн и 2,5 млн.

К сожалению, некоторая неточность судебной мотивировки может породить ощущение того, что судебный акт является несправедливым.

И это действительно было бы так, если бы на самом деле подводилось сальдо взаимных обязательств и предмет лизинга был фактически возвращён лизингодателю. Однако это было не так (и тем более безосновательно выглядит иск лизингополучателя о взыскании какой-то задолженности с лизингодателя). И поскольку предмет лизинга оставался у лизингополучателя, постольку суду вообще не следовало рассуждать ни о каком сальдо, его не было!

Лизингодатель выбыл из правоотношения, уступив свою кредиторскую позицию иному лицу и передав ему же своё обеспечительное право собственности. Цена передачи права собственности не имела значения, поскольку главным экономическим активом передачи являлись права требования (стоимость вещи фактически равна размеру задолженности лизингополучателя, поскольку она обременена его правом ожидания). Погасив задолженность, лизингополучатель становится собственником вещи (п. 2 ПП ВАС № 17), и сколько реально стоит вещь в этот момент, не имеет никакого значения. Поэтому-то определение цены предмета лизинга в размере номинальной выкупной стоимости при замене лизингодателя никак не ущемляет прав лизингополучателя.

Требование, которое вправе уступить лизингополучатель

Нередко до судов доходят дела, в которых истцы требуют уплаты в свою пользу выкупной стоимости или неосновательного обогащения, возникшего у лизингодателей из договоров лизинга с иными лицами, при этом требования были куплены истцами у лизингополучателей.

Закономерен вопрос: как относиться к таким требованиям? Для ответа на него следует определиться, какое право требования есть у лизингополучателя и как его правильно уступать. И далее, если стороны назвали предмет уступки как-то иначе, путём толкования их воли, следует выяснять, не имели ли они в виду упомянутое право требования.

Переход на кредитную теорию лизинга в 2014 году означал отказ от концепции лизинга как смешанного договора, напоминавшего аренду с правом выкупа. Поэтому у лизингополучателя не может быть требования о возврате части выкупной цены. В подходах, впервые озвученных Президиумом ВАС РФ в постановлении от 18.05.2010 № 1729/10, более нет необходимости[20]. Они заменены более совершенным регулированием в ПП ВАС № 17.

Не имея требования о возврате выкупной цены, лизингополучатель не может его уступать. Реально состоявшиеся уступки, названные уступками части выкупной цены, в действительности имели в виду иное требование, но давали ему неверную квалификацию. Эта ошибка однозначно извинительна, поскольку её допускали и суды, включая высшую судебную инстанцию – ВАС РФ.

На самом деле у лизингополучателя имеется в отношении лизингодателя право требования о возврате переплаты (излишне уплаченного) по договору лизинга. Данное право требования осложнено тем, что до момента поступления выручки от продажи предмета лизинга непонятен размер данного требования, а также то, имеется ли оно в принципе, ведь если сальдо сложится в пользу лизингодателя, выяснится, что никакого требования у лизингополучателя и не было (т.е. предположение о его наличии оказалось ложным).

В таком ключе сформулирована правовая позиция АС Московского округа в постановлении от 12.03.2015 по делу № А40-68988/14. В этом деле лизингополучатель уступил цессионарию право требования к лизингодателю, а лизингодатель предъявил к лизингополучателю требование по

---

[20] *Егоров А.В.* Дело «Общество с ограниченной ответственностью «ФИС-ТЕХНО» против общества с ограниченной ответственностью «ЕВРОТЕХНИКА» о возмещении выкупной цены, уплаченной в составе лизинговых платежей» / В сб.: Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Избранные постановления за 2010 год с комментариями. – М.: Статут, 2015. С. 513-522

сальдо. Суд пришёл к выводу о том, что в числе ответчиков должен фигурировать и цессионарий, т.к. решение может затрагивать его права. При этом суд счёл, что объём права требования и его существование как таковое подлежали установлению в рамках рассматриваемого дела путем установления между сторонами сальдо встречных обязательств в соответствии с ПП ВАС РФ от 14.03.2014 № 17. И только в результате установления судом встречных обязательств мог быть установлен объем права требования лизингополучателя (ответчика) к лизингодателю (истцу), связанного с расторжением договоров выкупного лизинга, или наоборот, объем задолженности ответчика перед истцом. Позиция суда не может быть признана до конца понятной, поскольку мотивирована она так, как будто лизингополучатель не мог в принципе уступить какие-либо свои права, пока не было рассчитано сальдо взаимных обязательств. Однако с другой стороны суд не говорит о недействительности уступки, а только о том, что следовало привлечь цессионарий к участию в деле, в котором предстоял расчёт сальдо.

Цессионарий, получивший права от лизингополучателя, должен понимать, что должник по праву требования (в этом примере – лизингодатель) вправе будет выдвигать против цессионария все возражения, которые он имел против цедента. Иными словами, в деле о взыскании задолженности будет производиться полноценный расчёт сальдо взаимных обязательств. Например, если лизингополучатель (цедент) скрыл от цессионария какие-либо обстоятельства, это может привести к отказу в иске.

Приведём пример. Лизингодатель предоставил финансирование в размере 1 млн руб. под 36,5 % годовых. Пользование финансированием продолжалось ровно год. Основная задолженность лизингополучателя составила 1 млн 365 тыс. Но при этом лизингополучатель допускал просрочки внесения лизинговых платежей (платежей в погашение кредита и процентов по нему), за что к нему применялась договорная неустойка. Сумма неустойки составила 500 тыс. Итого на стороне лизингодателя при расчёте сальдо 1 млн 865 тыс.

Лизингополучатель уплатил лизинговых платежей на сумму 700 тыс. руб. и возвратил предмет лизинга стоимостью 500 тыс. (эта стоимость могла быть зафиксирована в соглашении о расторжении договора или выручена от продажи предмета лизингодателем), но полагает впоследствии,

что предмет лизинга стоит 1,5 млн. Если прав лизингодатель, то лизингополучатель должен ему уплатить 665 тыс. Из них 165 тыс. – основной долг, 500 тыс. – неустойка (с учётом ст. 319 ГК). Если прав лизингополучатель, то лизингодатель должен возвратить ему 335 тыс. Что бы ни написал лизингополучатель в договоре уступки права требования, какую бы цифру ни поставил (он может не учитывать какую-то свою задолженность, считать неустойку завышенной и подлежащей снижению и т.п.), но если эта сумма выше 335 тыс. (например, 800 тыс.), то взыскать в пользу цессионария суд может не более 335 тыс. (если сумма ниже, то, разумеется, взыскать суд может только в пределах этой суммы).

Специфика сальдового метода заключается в том, что в результате применения сальдо выясняется положительный остаток с балансом в пользу одной или другой стороны и не происходит никакого зачёта встречных требований по правилам ст. 410 ГК РФ. Это соображение доказывается просто – ввиду отсутствия в ПП ВАС № 17 каких-либо ссылок на правила о зачёте. Следовательно, лизингополучатель уступает не целиком своё требование на сумму уплаченных лизинговых платежей (или на мифическую выкупную цену), а только сумму сальдо (если оно складывается в его пользу). То, что сальдо в лизинге – это не зачёт, важно также для случаев банкротства одной из сторон: в отличие от зачёта расчёт суммы сальдо никак не ограничивается введением процедур банкротства.

Указанный вывод находит подтверждение и в практике арбитражных судов:

> *«...соотношение взаимных предоставлений сторон по договору, совершенные до момента его расторжения (сальдо встречных обязательств), и определение завершающей обязанности одной стороны в отношении другой согласно разъяснениям, данных в Постановлении Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 17, не является зачетом встречных однородных требований по смыслу статьи 410 ГК РФ»* (постановление АС Поволжского округа от 06.04.2015 № Ф06-7208/2013)

Таким образом, лизингополучатель вправе был уступить цессионарию только своё право требования по сальдо (если оно складывалось в пользу

лизингополучателя), при этом в расчёте сальдо должны использоваться все составляющие, упомянутые в ПП ВАС № 17.

Заключение

Подводя итог проведённому исследованию актуальной судебной практики, можно заметить, что предстоит довольно много работы. Далеко не все судьи осознали в полной мере, что такое сальдовый метод и какова его роль в выкупном лизинге как разновидности финансовой операции. А роль его сложна и многогранна, прежде всего, ввиду необходимости установить справедливые правовые последствия для титульного финансирования, разновидностью которого является выкупной лизинг. И далеко не все проблемы финансирования под обеспечение, довольно легко решаемые в случае с финансированием под залог, оказываются столь же простыми для решения в лизинге.

Кроме того, как это бывает с любым нормативным текстом, он не может быть свободен от пробелов. Не избежало этой участи и ПП ВАС № 17: появились жизненные ситуации, которые не подпадают буквально ни под одно из разъяснений, закреплённых в тексте постановления. Как заполнять пробел, в теории все знают – исходя из духа разъяснений и заложенного в них существа регулирования. А на практике суды не всегда справляются с этим, поэтому возрастает роль юристов, готовящих правовые позиции к судебному разбирательству и нуждающихся не только в тщательной проработке имеющейся судебной практики (зачастую противоречивой), но и в подведении доктринальной основы под избранную ими правовую позицию.